

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Евгений Лучинкин
Сказы Капкыдадыча

Евгений Васильевич Лучинкин

Сказы Капкыдадыча

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55759326

SelfPub; 2020

Аннотация

На вопрос, какой из даров является для человека наиболее ценным во все времена и для любого народа, мудрец Капкыдадыч отвечает: “Возвращение памяти о себе самом”. А верно! Кто же мы на самом деле? Что за существа? Ангелы во плоти или узники божьей кары? Окружающая реальность – это самый странный сон, принимаемый нами за жизнь. А что же там, за гранью грёз? И кому, в конце концов, всё это снится? Сборник Сказов включает в себя 13 сказов и 13 притчей, изложенных одним из учеников носителя живой традиции офеней по прозвищу Капкыдадыч. В каждом из Сказов основной участник событий представляет историю мудрого старика о волнующих таинствах повседневной жизни. Некоторые истории имеют реальных прототипов, хотя и кажутся фантастическими.... Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть 1 Сказы Капкыдадыча	4
ДЕД ПЫХТО	5
ОБОРОТНИ	88
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Часть 1 Сказы Капкыдадыча

Сказки для взрослых

На вопрос, какой из даров является для человека наиболее ценным во все времена и для любого народа, мудрец Капкыдадыч отвечает: “Возвращение памяти о себе самом”.

А верно! Кто же мы на самом деле? Что за существа? Ангелы во плоти или узники божьей кары?

Окружающая реальность – это самый странный сон, принимаемый нами за жизнь.

А что же там, за гранью грёз? И кому, в конце концов, всё это снится?

Авторское свидетельство №647

ДЕД ПЫХТО

Когда объешься огурцами, да ещё запьёшь их парным молоком, тебе, конечно, не до сурьёзных разговоров. Но знавал я одного мужика, который к огурцам ещё и редьки с луком добавит, а к молоку кваса, и хоть бы хны. На редкость крепкий был человек. Одно слово – от земли. Звали его Фёдором.

Помыкался Фёдор в городе, да что-то там ему не глянулось. И вернулся он в свою родную деревушку Пятаково, где осталось с десяток покосившихся от бесхозности хат. Не откладывая, устроился механизатором. Правда, в бригаде их всего двое было – он да Филимонов-бригадир. Тоже чудак добрый. Все совхозные давно в районный центр перебрались, где и газ, и горячая вода, а этот, упёртый, построил на отшибе добрый хутор и не дал в Пятаково сельсовет упразднить. Там же подвизался пахать двадцать пять гектар под пшеницу, да с пятнадцать силосных. Всё ж показатели.

Хозяйство своё Фёдор решил приводить в порядок ближе к осени, только поднял целые ещё ворота и направил калитку.

Как-то спит он в избе, и видится ему дедок, что заходит прямо сквозь стену, усаживается в его ногах на кровати, чего-то тихо при этом болбочет и со строгостью поглядывает на спящего Фёдора. Тот ногой шевельнул, проснулся, а ста-

ричок-то не пропадает. Сидит, маленький такой, весь боро-
дёнкой обросший, и волосы у ней словно паутинки.

Фёдор со сна хмурый всегда, но тут на него нашла расте-
рянность вместе с обморочной робостью.

– Ты кто такой?

Старичок цыкнул невидимым зубом.

– Спрос! Вот кто!

Фёдор подогнул ноги и помахал ручищей перед глазами.

– Домовой что ли?

– Кому домовой, а кому – чумовой.

Дедок боком подплыл к Фёдору и безбоязненно устроился
у него на груди. Тот было попытался освободить руку из-под
одеяла, а тело словно инеем подёрнулось, пошевелиться не
может. Раз дёрнулся Фёдор, другой – ничего не выходит. Де-
док-то всё ближе, вот уж у самого лица, и своим пахоточным
дыханием веет, как душит. Разлепил губы Фёдор и с трудом
прошептал:

– Чей же ты будешь, старичок? Уж не дед ли Пыхто?

Дедок вздрогнул и на мановенье растаял в воздухе, по-
явившись из-за подушки.

– А ты откудава меня знашь?

Фёдору вроде как полегшало и задышалось легче.

– Бабка Кузьминична мне, малому, про тебя толковала.

Фёдор душой не кривил, но рассказы крёстной помнил
смутно, говорил, только бы отвлечь внимание незваного го-
стя, да с размаху хватить его кулаком.

– Кузьминична, говоришь...

Выпуклые глаза домового затуманились и засветились охровым.

– Х-хы. Поскакуха была хоть куда.

Фёдор даже поперхнулся, и забыл про ухищрения.

– Да ты о чём, запара? Она же в Покров пятнадцать лет как на погосте лежит. А может, щас и поболе?

Дедок вяло увернулся от освободившейся ручки Фёдора, и, не обидевшись, отпрянул к печке, где задумчиво устроился на лавке.

– Эт как посмотреть. Я её, голубушку, токмо-токмо со свету отправил. Так последнее время с ней и коротали, покамест еёный домик совсем не разъехался.

Фёдор с облегчением потянулся и сел на край кровати, продолжая измерять глазом расстояние до лавки. Но дед Пыхто на его намерения никак не реагировал, спокойно жмурился на просыпающееся солнышко, словно был уверен, что в любой момент сможет скрутить этого бестолкового здоровяка.

– Чо, никак Кузьминична чисто в привидение превратилась?

Дедок фыркнул.

– Эт ты сам привидение, дурило! Я-т думал, што ты пришлый, заморочить решил, а ты, оказывается, Пятаковский... Ан вот никак не припомню тебя.

Фёдор окончательно успокоился и принялся неспешно

одеваться, только раздирающая рот зевота напоминала о странности происходящего.

– А я по домам-то сиднем не сидел. Меня батяня с ранних лет к полю приучал. А ежели не в поле пропадал, так в лесу.

– Зря, зря. Дом-от великая вещь. Имеешь дом, так и поле с лесом твои будут. Бывало, придёт к Кузьминичне Франя-соседка, и ну давай чай гонять. А потом ти-ихо так запоют што-нибудь сердешное, аж душа заходится.

Фёдор размашисто поливал себе на лицо из рукомойника, пытаюсь унять нездоровую зевоту.

– Дак у тебя и душа есть, што ли? А люди баили, што у домовых её нету вовсе.

Дед Пыхто ничего не ответил, с лавочки слез и засеменял куда-то за печку. Фёдор крепко растёр лицо полотенцем, сдирая с него остатки хмари. Заметив на столе забытую с вечера кринку топлёного молока, он двумя глотками опрокинул её в себя.

– Пошто кислятину пьёшь? Неужто заране в подпол убраться трудно?

Дедок уже сидел на печке и взирал на Фёдора сверху вниз.

– А-а ничо, организм крепкий, сдюжит.

– Когда у крепкого организма такая башка со сквозняками, долго её ему не сносить.

Фёдор отмахнулся.

– А чё ты в других-то хатах не располагаешься? Со старичками, никак, сподручней.

Дед Пыхто мотнул бородёнкой и засучил в руках подбранными на полатах соломинками.

– Слепые они. Человек ежели в молодости слепой, то в старости и вовсе в тень превращается. Мне таких теней в пустых избах хватает.

Фёдор громко отрыгнул и, ёрнически посмотрев на домового, хмыкнул.

– А я, значица, не слепой? Ты ж баишь, што у меня сквозняки в башке.

– Так ить душа-то у тебя есть. Худо, что она с головой отдельна, но от тебя теплом марит, а нам пуще всего внимания хочется.

Фёдор непонимающе мотнул головой, попытавшись вдуться в услышанное, однако что-то упорно не желало стыковаться в нечто для него понятное.

– Да ты не напрягайся, милай. Видать, стязю ума тебе токмо-токмо предстоит вспахивать. Вона как лоб взопрел. Иди с богом, работай. Поживу у тебя, так и быть.

На пороге Фёдор обернулся.

– А чо, дедушка, видать и вашему роду-племени без людей не сладко?

– Эхе-хе, одной ить дороженькой повязаны. Кому она в горушку, а кому за печку. Ты вот сечас кривишься, а того в ум не берёшь, что хоть топаешь в горушку, да на ней полно буераков. Из некоторых выбратся не каждому по силам... Вы, люди, живёте – не ведаете, что владеете даром бесцен-

ным. Сама травинка, или красота какая, не знает о себе. А вы вдохнёте внимания, то и оживает, всему начинает раскрыться. Огонь-то простой тело греет, а душу согревает только Оно – внимание.

Вот одарит меня хозяйюшка стёклышком со старых бус, поставит в лютые морозы стопочку вина с корочкой хлеба... А я ей, ответно, одиночество скрашиваю присутствием... Иди, иди давай, не лупай на меня своими зенками, не подаю убогим.

С тех пор они и зажили вместе. Фёдор особо не возражал. Где-то внутри у него появлялось нечто сроднее детскому удовольствию, когда вечером возвращался мимо заброшенных дворов, а дома его ожидала какая-никакая жизнь. Ни Филимонову, ни его жене Фросе, изо всех сил старавшейся не оставлять одинокого мужика без бабьей заботы, про объявившегося сожителя он ничего не говорил. Не потому, что боялся насмешек, а больше из-за впервые обрётённого чувства сердешной тайны.

Придёт Фрося забрать у Фёдора грязное бельишко, принесёт молока, сметаны, и пока суетится, пересказывает сплетни из района, дедок носа из-за печки не показывает. А после её ухода они сидят с Фёдором и неспешно толкуют каждый о своём.

Хорошо!

За окном тишина, и та тонет в густых туманах, дремлющих в заросших полынью да репьем оврагах. Дряхлые сосе-

ди помаячат под вечер на завалинках и испаряются за бесцветными оконцами своих избёнок. Никого во всей округе. Лишь изредка с филимоновского хутора доносятся громкие всплески не то базлающего телевизора, не то обрывки песен из старенькой радиолы.

Однажды, когда основная уборка закончилась, и у Фёдора выдалась возможность передохнуть пару дней перед отъездом на общерайонную жатву, он купил три пол-литра и пришёл домой с намерением как следует посидеть.

На столе Фёдор богато разложил поспевшие на огороде плоды: толстокожие помидоры с отдававшей пряным мякотью; махонькие, хрустящие декабрьским снегом огурчики; зелень и прочие деревенские деликатесы. Посредине возвышался испечённый Фросей каравай с обсыпанной отборной мукой корочкой. Из отломанных от его крутых боков кусков ещё вился призрачный пар зноя печи.

– Ты вот мне скажи, у вас как там устроено? Бабы, скажем, у вас имеются? Женитесь вы, али нет?

После двух полных стаканов в голове у Фёдора образовалась лёгкость и простор для медленных по трезвости мыслей.

Дед Пыхто сидел на лавке возле печки и, как обычно, плёл из соломинок какую-то сложную косичку. Он беззлобно фыркнул, посмотрев на Фёдора, словно на неразумное дитя.

– Ах ты, горюнюшко, ежели тебя и посетит какая дума, она всё одно с изьяном. Мы ить такими людям являемся, какими им подобно видеть. А ну как я старушкой промяк,

или зверьком каким, так ты бы по-другому принимать стал. Нешто с огоньком ты бы разговоры вести начал?

Фёдор запустил в рот пучок зелени и смачно закусил огурчиком.

– Не, не начал бы.

– Так и выходит – на что годен, к тому и прислоняешься.

За печкой сверчок зашёлся в своей вечерней песне, сразу направив застолье Фёдора в более степенное русло. Окинув потеплевшим взглядом махонькую фигурку домового, он достал с полки гранёную рюмку.

– Слышь, а грамульку-то принять можешь? Не годится в одиночку с бутылкой разговоры вести.

Дедок швыркнул носом и поднял на человека свой можжевеловый взор.

– Да как-то не пробовал я этой горючести. Винца ещё можно, а так...

Фёдор востропел, и налил до половинки в разом ожившую посудинку водки.

– А ты пригуби, вон и закуска имеется. Нам ведь не гулять. Всё ж беседа направится.

Домовой пожевал в раздумье губами и нерешительно принял рюмку. Он долго прицеливался к дрожащему бриллиантовыми искрами содержимому, осторожно нюхая носом его дух, а потом тихонечко отпил.

Фёдор одобрительно крякнул и протянул помидорку. Но домовой долго тряс головой и от закуски отказался. Каза-

лось, маленький глоток начисто лишил его голоса. Фёдору пришлось в молчаливом одиночестве уговорить вторую поллитровочку. Лишь спустя полчаса с лавки раздался сдавленный звук.

– Ф-футы-нуты.

– Чево, оклемался? Ну и слабоват же ты, дядя, насчёт выпить. Как же вы время-то коротаете? Я смотрю, ты один и тот же пучок соломы теребишь, а всё он у тебя неспряденный. Давно уж корзину мог сплести.

Дедок отдышался и громко икнул.

– А у нас и песен нету, только сказо-о-чки одне-е-е...

– Эвона, никак и песни уже запел, а у меня ещё ни в одном глазу.

Фёдор окинул взглядом потонувшие в сумерках стены и зажёг фитиль керосинки.

– Всё ж живой свет, а то электричество тут как-то не в жилу.

Дедок с лавки куда-то исчез. Через минуту из подпола раздалось громкое шебуршание, оборвавшееся пронзительным визгом. Фёдор схватил лампу и бросился открывать подполье. Щурясь сквозь мрак, он разглядел внизу пошатавающегося домового, который небрежно держал за шкурку большего хомяка и прямо ему в морду пел песенку, сплошь состоявшую из неразборчивых слов.

– Э-э, а я думал, это ты визжишь.

Дедок неверным движением отбросил животину, и та

мгновенно скрылась в темноте.

– А ч-чѐ нам, мы ещѐ на балалайке можем...

Фѐдор осторожно взял домового на руки и понѐс наверх. Когда он бережно держал его невесомое тело, на Фѐдора нахлынуло странное ощущение, словно ему вновь довелось вернуться в позабытое детство, и вот-вот услышатся со двора голоса матери, отца и братьев. Но в живых никого из них уже не было. Чувство мелькнуло и истаяло.

Посадив домового на лавку, Фѐдор подпѐр его свѐрнутой фуфайкой и уже в полном одиночестве продолжил вечерять. Печаль сменилась угрюмостью, охота пить полностью пропала. Он посмотрел на заснувшего дедка, и едва слышно пробурчал:

– Не, всё... Веришь, капли в рот боле не возьму!

Фѐдор с удивлением вслушался в отзвуки своего голоса, но, наткнувшись взглядом на подрагивающие паутинки бороды домового, решительно тряхнул головой.

– Бля буду!

Однако зарок свой Фѐдор нарушил уже через две недели. В районе ударным трудом они закончили тяжѐлую в нынешнем году страду, и, как полагается, с мужиками это дело отметили.

Возвращался в Пятаково ударник на презентованном районным начальством стареньком тракторе. Перекрикивая натужно ревущий на всю округу мотор, он орал матершинные частушки.

Уже завиднелись огоньки филимоновского хутора, когда колёса вихляющего на колдобинах трактора сверзлись с крутого берега запруды. Фёдор не успел ничего понять, а уж парные воды встревоженной воды сомкнулись над горбатой кабиной. Мотор рыкнул напоследок и навсегда заглох.

На следующий день Фрося, выгонявшая на пруд гусей, разглядела силуэт трактора и фуражку, выплывшую к самым кустам камыша. Она истошно заголосила, а тут же прибежавший на её крик супруг разом всё понял.

Похоронили Фёдора скоро. На панихиду приехали мужики из сборной бригады механизаторов, в которой Фёдор работал на выезде. Приехал также его школьный товарищ, выбившийся в районное начальство.

Хорошо помянули, да и разъехались кто куда. Нарушенная скорбными разговорами тишина вновь воцарилась над Пятаково.

Только одно существо до позднего вечера задержалось в кустах возле покосившейся ограды давно заброшенного кладбища. Никем не увиденный, домовый сгорбленной кочкой взирал на трухлявые кресты и что-то непрерывно бормотал:

– Вот ить, не дождался парень, сразу усигнул. А то б посидели, нешто бы не проводил, дороги не показал? А щас сам будешь тыркаться. Меня ить на схорон копушки не пушают. Не любят они нас – домовых... Эх-ха.

В избе Фёдора Дед Пыхто просидел до сумерек на лавке

возле остывшей печи, а потом повис на гиревой цепочке ходиков и остановил мерное тиканье уже никому не нужных часов.

– Во-от, так оно покойней.

Окинув опустевшую горницу прозрачным взглядом, он бесследно растаял в воздухе.

ОТ СУДЬБЫ-ТО
НЕ УБЕЖИШЬ...

Оно, конечно, так. Сколько помню таких беглецов, а всё их дорожка к своему приводила. Довелось и мне такое пережить, но рассказ пойдёт чуток о другом.

Жила в Иванове Любочка Субботина. Годков этой подружке в ту пору было немногим за двадцать – ладная, спелая. Мать её работала на швейной фабрике технологом, а отец – экспедитором в каком-то тресте. И так он доездилися по своим командировкам, что однажды, из очередной, просто не вернулся, найдя шуструю да молодую фифу.

С подрастающей девицей управиться мудрёно. Так мать без отцовской строгости с Любочкиным характером не совладала. У той от романтических книжек кошачий голод случился. Забросила она учёбу в училище и пошла по дискотекам да компаниям своего принца искать. Слава богу, эта краля до окончания десятилетки никуда не вляпалась.

Долго они друг с дружкой объяснялись, мать Любочку всё умоляла образумиться, доучиться на профессию. А та морду

воротит, не мил ей родительский дом, комната её, отгородка, надоела, хочется вольной и свободной жизни.

Только когда мать взмолилась и, от бессилия достучаться до неразумной дитятки, бухнулась на колени, Любочка чуток протрезвела. Обещалась подумать, да в ближайшие дни не загуливаться.

Думала недолго, услышала, как подружки засобирались в тёплые края, поближе к морю, тут же с ними намылилась, чтобы подальше, значит, от материнского нытья.

Девка она была с головой, и с первого захода поступила в какой-то промышленный техникум в Краснодаре. Но проваландалась в нём без году неделю. Ребята-то все учатся, а у этой кошачья болезнь под южным солнцем ещё пуще разыгралась, аж ногами сучит. Позевала Любка на занятиях семестр и оказалась на вольных хлебах.

Однажды сидит Любочка у себя в комнатёнке, смотрит в окошко на пустую улочку. Тоскливо ей на душе: что дома квасилась, что здесь на югах, та же маята. От безделья в голову всякие думы тяжёлые приходят. Дилярка, подружка, на работу хоть устроилась, а ей Рустам, очередной хахаль, велел дома безвылазно сидеть.

Смотрит она на себя, сокрушается. Где её светлые мечты, где благородный принц со своей ласковой любовью? За полгода уже третий ухажёр сменился. Поначалу-то, как ушла из техникума, всё вроде нормально было, ходили они с Дилярой на дискотеки да по кафешкам, а потом, когда родители

подруги турнули бездельниц восвояси, туго стало. Тут и начали объявляться кавказские женихи.

Первый, Леван, цветы дарил, конфеты, а когда она ему надоела, “передал” своему дружку Гоги. Тот уже не церемонился, брал, что хотел, и некуда было Любочке от этого деваться. Жить-то негде, да и не на что. Правда, его знакомый торговец, Рустам, положил на неё свой глаз, и, так как был побогаче Гоги, быстро девку под себя забрал. Снял ей комнату у тихой бабуся и велел сидеть дома, никуда не шляться, его приходов ждать.

Появлялся он в последнее время не часто, на рынке что-то дела не заладились. А как приходил, то изводил Любочку ревностью. Оба последних раза так отмудохал, что она несколько дней на улицу не показывалась, синяков стеснялась.

Матери Любочка написать боялась, несмотря на всю свою готовность вернуться под родительское крыло. Но в последнем письме та сообщила, что на фабрике сокращение, зарплаты не платят, и бедствует народ сильно.

Любочка ещё похорохорилась до вечера, а в сумерках на неё напала страшная тоска. Сердце так защемило от боли и безысходности, что она заревела белугой:

“Господи, до чего ж я докатилась!?! Чего же я, дура, себе про жизнь нарисовала? Где эти принцы с принцессами? Одно враньё в книжках!”

Любочка со злостью глянула на полку, где пылились её

любимые романы про любовь.

“Нету никакой любви на самом деле! Одна ёбля на уме, а в голове – как бы урвать да побольше. Почему я не родилась в генеральской семье? Сейчас бы ездила на папашиной машине, да ходила бы по дорогим ресторанам”.

Таких краль Любочка навидалась. Но что-то подсказывало – не всё и у них ладно, ежели на её глазах генеральские девочки вели себя, как последние шлюхи, и, в отличие от неё, ложились под мужиков не от нужды, а по похоти.

“Что ж, получается, мир весь – это такая помойка!!!”

Промелькнули в голове у Любочки картины детства, из которого ничего хорошего не запечатлелось: одни мытарства в девичестве, комнатка-отгородка в Иванове, где она столько раз ревела от несбыточности желанного. И взорвалось всё её нутро от отчаяния, что даже слёзы течь перестали.

“Пойду и утоплюсь сейчас!”

Но Любочке вспомнились мутные воды реки, из которых однажды прямо при ней вытащили уже разбухшего, позеленевшего утопленника. От отвращения она покрылась мурашками.

“Нет, лучше отравлюсь! Сейчас же! Выпью уксусу, чтобы выжечь эту неотвязную боль”.

Любочка встала и направилась на кухню с одной мыслью: только бы хозяйки не оказалось на пути. Но тихой и молчаливой хозяйки ей не встретилось, и она спокойно добралась до дешёвого серванта, где среди кухонной утвари хранились

специи.

Самоубийца с беспомощной тоской посмотрела на мешочки с крупами. Ни готовить-то она не умеет, ни вообще хозяйством заниматься. Так растыкой по короткой жизни и прокуролесила.

Люба поднесла к глазам прозрачный бутылёк с уксусной эссенцией.

“Не стану в кружку наливать, выпью из горлышка. Пусть будет хуже”.

Она решительно отколупнула пробочку.

– Никак сготовить решила, девонька?

В первую минуту Любочка даже не поняла, что слышит голос со стороны, так ушла из опостылевшего мира. Но тут сбоку нарисовались округлые тела хозяйки.

– А то смотри, я вареничков сготовила.

Любка в мучительном непонимании сморщилась.

– Вареничков!?

– А то можно чайку со свежими травками.

Горло незадачливой самоубийцы перехватило подступившими рыданиями.

– Ч-аю...

Хозяйка, будто ничего не замечая, засуетилась.

– Пойди, голубушка, в комнату, я сейчас, я быстренько соберу.

Как в тумане Любочка вышла в комнату и бухнулась возле круглого стола, за которым они обычно трапезничали. Она

не успела в себя прийти, как перед ней уже дымилась чашка душистого чая.

После первого глотка слёзы сами побежали из глаз.

– Что, Любушка, отравиться вздумала?

От ужаса у девки задрожал подбородок.

– Н-нет, баба Поля, с чего Вы взяли-то?

Баба Поля вздохнула.

– Да с тебя, родимая, взять-то пока нечего, ты одно сплошное недоразумение.

Ужас сменился недоумением. Любочка настолько привыкла к молчанию и незаметности хозяйки, что на миг забыла о происшедшем.

– Да с чего Вы взяли, баба Поля!? Глупости это!

– А чего ж тогда слёзы-то тебя не спрашивают? Ты, девонька, не хорохорься, у таких, как ты, завсегда один конец бывает. Я в токсикологии почитай с пятнадцать годов санитаркой отработала, навидалась всякого.

Любку захлестнуло возмущение. Никому она не позволяла, чтобы её кто-то брался учить. Но баба Поля вдруг по-особенному посмотрела ей прямо в глаза, и внятно проговорила:

– Долгонько я ждала этого момента. Думала, уж не успею. Всё к этому сводилось. Да, видно, ты от своей судьбы тоже не уйдёшь.

– О чём это Вы?

У Любки возмущения как не бывало. Теперь изнутри

всколыхнулся страх, да такой, что она была готова выпрыгнуть в окно.

“Может, бабка сбрендила?”

Словно прочитав её мысли, баба Поля с улыбкой ответила:

– Смотрю на тебя и себя вспоминаю. Так же вот от страха тряслась, тётку свою за сумасшедшую принимала... Ты хоть знаешь, почему мать твоя из деревни уехала?

Любка надула губы.

– Чо, с мамкой списались?

Но баба Поля на грубость внимания не обратила.

– Не дури, девонька. Матушка твоя обо мне и не ведает, но я о ней знаю всё. Так ты помнишь, почему тебя маленькой из родной деревни увезли?

Любка пожала плечами.

– А чо? Наверное, лучшей жизни захотели с папашкой, вот и смылись с колхозных полей.

– Эка ты о своих родителях! Да нет, голубушка, уехали они спешно, в ночь. Даже вещей с собой не взяли.

Любка непонимающе нахмурилась.

– Чо это они вдруг?

– А ты бабушку свою, Пелагею Даниловну, помнишь?

– Да нет, о ней никто у нас не говорил. Я пару раз спрашивала, но мать сразу замыкалась, клещами из неё не вытянешь. А мне оно надо?

До Любки вдруг дошло.

– А про бабушку-то вам откуда известно?

Баба Поля смиренно положила руки на колени, и ласково поглядела в лицо своей жилицы, вконец распухшее от горячих слёз.

– Оттуда, Любушка, оттуда. Говорю же, время пришло. Пора мне тебе Линию передавать.

– Какую такую “линию”?

– Была твоя бабушка, Пелагея Даниловна, женщиной необыкновенной, владела ключами к самым истокам знахарства и ведовства. До сих пор не знаю ей равных. Матушка твоя по отцовской линии уродилась, и для Передачи не годилась. А ты плоть от плоти корень древний, волховской, который сама природа уберегла от напасти.

– Дак она чего, колдуньей была?

Баба Поля кивнула.

– И колдуньей тоже. Матушка твоя насмотрелась на её мытарства среди нормальных людей, воспротивилась Предначертанному. Как Пелагея Даниловна заумирала, то мать тебя сначала прятала у знакомых в деревне. Но ты шустрая уже была, всё к бабушке норовила вернуться. А когда твоя матушка пришла к ней, чтобы навсегда запретить вам встречаться, ей и услышалось: от Предначертанного не уйдёшь, куда бы не решил от него спрятаться.

В тот же день они с твоим отцом собрались и уехали от греха. Но, как видишь, Линия тебя всё одно к себе призвала.

Любка смутно помнила этот период детства, но бабе Поле

почему-то поверила.

– Это что же, мне ведьмой надо стать?

– Не-ет, девонька, стать ведуньей невозможно, для этого ею надобно родиться.

Любка пришла в себя и решила встрепенуться.

– А если я не захочу!?

– Так никто тебя неволить не будет. Можешь хоть сию минуту к прежней жизни возвращаться.

Любка вздрогнула всем телом, вспомнив о своём решении отравиться, а ещё пуще о постылых связях с нелюбимыми мужиками, да подобными ей самой вертихвостками.

– Ты пока, голубушка, думаешь, я покажу тебе одну вещь. Накидывай плащ, и пойдём со мной, здесь недалече.

Они прошли несколько кварталов по ночному городу и подошли к огромному зданию больницы. В приёмном отделении вахтёрша, увидев поздних посетителей, начала ворчать, но тут же признала знакомую.

– Чего это ты, Захаровна, ни свет – ни заря шастаешь, неужто по работе соскучилась?

Баба Поля отшутилась, но тут же серьёзно добавила:

– Да вот племяннице её будущую работу хочу показать.

Вахтёрша с пониманием закивала.

– Это хорошее дело. Нынче молодых на тяжёлую работу калачём не заманишь. Ступайте с богом. Сёдня как раз Игорь Моисеич дежурный.

В токсикологическом отделении на Любочку пахнуло гу-

стым, насыщенным запахом лекарств и ещё чего-то неопределённого, но при этом пугающего.

– В токсикологию, девонька, поступают все отравленники. Вот тут палата, где людям, у которых почки плохо работают, аппаратом помогают кровь очищать. В этой, я смотрю, нынче угорельцев поместили. Кровь у них необыкновенная, почерневшая.

Любочку действительно замутило, она вся покрылась липкой испариной.

– Пойдём-ка отсюда, а то сомлеешь раньше времени.

Баба Поля ввела её в большую просторную палату с зарешечёнными окнами, где лежали преимущественно женщины.

– Вот, моя хорошая, сюда бы ты угодила, если бы укуса попробовала.

Любочка поначалу ничего особенного в пациентах не заметила. Но вдруг ближняя к ней девица как-то странно кхекнула и из неё исторглось не то хрипенье, не то рычание издающего зверя. Любку всю обдало холодом, рот у неё сам по себе открылся, а душа сжалась, словно от удара.

– Ой, что это?

Баба Поля положила руку на лоб страдальицы и тихо проговорила:

– Всё нутро она себе сожгла, вот чего. Теперь всю жизнь эта красавица будет маяться. Умереть не умерла, но порешилась до инвалидности.

В уголках губ отравленницы запузырилась розовая пена. Любка заворожено уставилась в её отрешённое лицо, не в силах оторвать взгляда, и едва слышно прошептала:

– Согласная я.

Дома они сели за стол. Спина у Любочки выпрямилась, словно там образовался кол. Весь её облик обрёл несвойственную серьёзность, а в глазах засветилась ясная решимость.

– Чего делать-то нужно, баб Поля?

– Раздевайся-ка, девонька, пойдём, я тебя обмою.

В ванной баба Поля долго поливала на неё травными настоями, что-то при этом нашёптывая и ласково бормоча. Местами Любочка разбирала отдельные слова, но смысла не понимала.

– Уйдя, уйдя пако жесь... Света огонь в нутре зажечь... Двои стань одно навек... Чело чадо врат распесь...

Любочка не заметила, как уснула. А пробудилась от толчка. За окном уже стоял день. Первое, что она обнаружила, это непривычные ощущения: никогда ещё Любочка не чувствовала такой цельности во всём своём существе. Что-то удивительное произошло, пока она спала. Сами сны не помнились, но чем-то глубинным Любка явственно различала картины неведомого, но такого реального и прекрасного, что всё привычное окружение теперь казалось только тенью в сравнении с этим.

На пороге появилась баба Поля. Она была необычно на-

рядно одета, облик её излучал торжественное спокойствие и величественность, лишь в глазах играли искорки грусти.

– Проснулась, девонька? Пойдём-ка чаю попьём, да мне в путь пора.

Любочка быстро оделась в предчувствии непоправимой беды и, тщательно умывшись, под села к столу. Сначала они молча пили травный чай, а потом баба Поля положила перед ней пачку каких-то бумаг.

– Теперь послушай меня, бедовая. Вот документы на квартиру. Все они переоформлены на тебя, хозяйствуй аккуратно. Первые полгода, когда знания будут находить тебя, будет трудновато, но сдюжишь. Не ты первая – не ты последняя, кто по этой дороженьке пойдёт.

Баба Поля непререкаемым жестом остановила Любочкины вопросы.

– Тай, послушай меня, объяснять боле будет некому. Остаёшься один на один с жизнью.

– Да-а, а как же знания? Кто ж мне их передаст?

Баба Поля улыбнулась одними глазами.

– Сама. Главное в твоей жизни – это отыскать ключ к сути, а он внутри тебя. Слушай себя, научайся чувствовать, что в тебе и снаружи. Так и найдёшь... Помолчи-ка.

Любочка едва справилась с замешательством, но когда унялась, то обнаружила внутри себя странное спокойствие, как будто нечто большое в ней воспринимало происходящее должным. И это большое было невозмутимо и бездонно глу-

боко.

– Ну, увидела себя? Вот в этом колодце всю мудрость будешь черпать. Однако не думай, что это легко. С великим трудом достаются знания жизни. Платят за них самой дорогой ценой – глупостью да невежеством. А эти подружки любят артачиться до смерти.

Любочка кивнула, и взяла в себя в руки. Но тут в голове у неё вспыхнула обжигающая мысль.

– А как же с моим ухажёром? Он же зарезать может!

– Вот это и будет твоим первым уроком.

Баба Поля на минуту задумалась, а потом, пристально посмотрев на Любу, проговорила:

– Документы на мой схорон и, где место могилы, тебе вышлют. Будешь приезжать на место, представляйся моей внучкой... Ну, с богом.

С небольшим узелком баба Поля пошла восвояси. На пороге она оглянулась.

– Сёдни перед сном попьёшь отвару, что в кринке на столе стоит, а боле ничего не пей и не кушай. Поняла?

– Поняла, баба Поля.

– Меня не провожай, до вечера у тебя работы хватит.

Когда двери за ней затворились, Люба тяжело вздохнула и впервые осенила уход человека крестным знамением. Но что её самую удивило, так это сила, заструившаяся с пальцев.

К горлу, было, подкатил комок рыданий, однако Любочка упрямо тряхнула головой, отгоняя от себя печаль, и пошла в

свою комнату. Из сумки она достала одежду: тряпки заграничные да выходную обувь, какую всякими путями накупила. Разложила всё словно для последнего осмотра. Оказалось, что не было у неё ни одной вещи, чтобы нормально, по-человечески, одеться, одни пёрья яркие, мужицкое внимание завлекать. Любка безжалостно их скомкала и вынесла на помойку.

До вечера она разбиралась со своим новым хозяйством, ни о чём не думая, только одна спокойная решимость двигала ею.

Когда в окошко уже заглядывала луна, Любочка неспешно выпила из кринки ведовское зелье. Вначале в голове прояснилось, но через минуту сильно затошнило, и приступила слабость. Пришлось сразу же лечь в постель. По телу забегали мурашки, особенно в паху и бёдрах. Мелькнули испуганные мысли, что отравила её колдунья, устроив спектакль с похоронами, но мелькнули, да истаяли где-то в глубинах пробудившейся души.

Как-то разом в глазах просветлело, несмотря на ночную темень, заблазнились картины. Вот идёт Любочкин ухажёр Рустам, на улице пасмурно, и лицо у него злое, хмурое. Что-то внутри неё знает сколько времени, будто внутри будильничек тикает. Рустам идёт к дому бабы Поли, заходит в подъезд...

Незаметно эта картина перетекла в сложные узоры, которые складывались то в буквы, то в витиеватую кружев-

ную вязь. Любочка смотрит и всё понимает, как если бы для неё раскрывались знакомые ранее знания. Она их понимает словно свои, удивляется забывчивости. Одно не ясно, почему отказалась ради каких-то глупых девических утех от таких сокровищ?

Над головой пронеслась тень, Любочка даже пригнулась.

– Не пугайся, девонька.

– Баба Поля? Где Вы? Не вижу Вас...

– Не оглядывайся, не ищи меня. Огонёчек перед собой видишь? Вот с ним и разговаривай.

– Баба Поля, так это всё наяву или я сплю?

В глубине темноты раздался ласковый смешок.

– Глупенькая! Явь да неявь бывает только для слепых, а для проснувшихся – всё едино, отделить одно от другого невозможно. Ты сейчас темноту видишь, но со временем осветишь этот мир светом своей души и ведения. Не будет для тебя препятствием ни время, ни пространство.

– Дак я чо, ясновидящей стану?

Огонёк мигнул и заискрился.

– Как глупость бабью истаешь, перегонишь её в разумение, так и станешь. То, что сейчас из тайных свитков узнала – только маленький шаг к этому. Главное – делай, трудись. Потом и кровью отработаешь доступ к безвременным источникам. Не бойся и берись за любую работу.

Любочка вздохнула.

– А куда ж деваться? Сама решилась, возврату назад нету.

Темнота как эхо откликнулась на её вздох.

– Трудно тебе станет среди людей, во тьме они рождаются, в темноте и живут. А когда ещё и в тебе тьма не изжита, вдвойне трудней. Помни, испытания ждут суровые, пройти их сможешь лишь с чистыми помыслами и лёгким сердцем.

Любочке показалось, что вокруг неё стало светлей, как будто начали различаться неясные силуэты и чьё-то тёплое дыхание. Оно манило к себе множеством знакомых ощущений. Вот-вот у Любочки растворится внутренняя заслонка и она вспомнит что-то очень для себя важное.

– Баба Поля, а где ты сейчас?

Огонёк вновь замерцал.

– Жду своего часа, когда призовут. Не забудь завтра поставить свечку перед Николаем-угодником. Сходи в церкву, там закажешь поминовение, как положено.

– Так Вы умерли?

– Ушла! Сегодня под утро.

Последние слова растаяли в бесконечности. Любочка без всякого перехода уплыла в сон и пробудилась уже с первыми лучами солнца. До обеда она ходила в церковь, поставила свечки за упокой, но батюшка без свидетельства о смерти отпевать усопшую отказался.

Дома Любочка прибралась. Когда на улице закрапал дождь, сердце сжалось от предчувствия. Всё виденное во сне сбывалось.

“Господи, – взмолилась Любочка, – не оставь меня глу-

пую, неразумную!»

И так искренне из неё выпорхнуло умоление, что страха разом не стало.

Рустам пришёл после полудня. Он осмотрелся и, обнаружив отсутствие хозяйки, сразу взорвался грубыми ругательствами:

– Что, русская шлуха, опять гдэ-то отсасывала? Бладская харя! А ну, давай, раком становись! Вот тут – на стол... Быстро, я сказал! ... Что молчышь, простытутка ыбаная?

Рустам наконец заметил, что Любочка никак на него не реагирует, а сидит на стуле, сложив руки на коленях, и молчит. Взгляд спокойный, словно не разъярённый мужчина рядом с ней буйствует, а кино какое смотрит.

– Ты... сучка...

Рустам уже хотел как следует отчихвостить столь негостеприимную подругу, но тут встретился с её взглядом. Сколько в нём струилось нежности, непонятной муки и сострадания... А страха не было и в помине.

– Ты што уставылась? Не слыхала... курва...

Последние слова Рустам произносил неуверенно. Он смешался. От неподвижной фигуры Любочки исходило что-то странное и пугающее.

– Ты... ты... што это...

Но Любочка, словно живое изваяние, продолжала сидеть неподвижно, только глаза засветились странным блеском. Рустам замер, а потом осторожно попятился. В этот момент

в серванте громко звякнули тарелки, парень взвился и опрометью бросился вон из квартиры.

– Ведьма-а!!!

Любочка проводила его убегающую фигуру долгим взглядом.

– Нет, миленький, ещё не ведьма, но я ею непременно стану!

Ещё два раза довелось Любочке повстречаться с бабой Полей. Каждый раз она приходила к ней на пороге засыпания. Подплывёт огонёчек к самым глазам, помигает и слова от него источаются.

– Баба Поля, а правда, что ведьмы на помеле летают?

– Зачем же на помеле-то им летать? Они по воле своей без всякого помела где хочешь оказаться могут.

– А чего в народе про это такие страшные сказки сочиняют?

– В народе непонятное всегда страшным делали. Вот твой бывший ухажёр, Рустам, как сейчас про тебя думать будет?

Любочка хмыкнула, но тут же задумалась.

– Ничего, конечно, хорошего. Пририсует рога с копытами да и отправит на... этот... на шабаш! Я вообще слышала, что они умных женщин не любят.

Огонёк на мгновенье растаял.

– Ой, девонька, много у тебя в голове туману. Нешто не видишь разницу между умной и мудрой?

Любочка горестно вздохнула.

– Да не задумывалась я над такими материями, баба Поля, не до этого было. Всё в облаках витала...

– Теперь придётся тебе и с облаками своими разбираться. Незначимых вещей для тебя боле не будет. Упустишь что – не сносить тебе головы. Реальный мир, он ведь с каждого реально и спрашивает. Поняла?

– Думаю, разберусь... Баба Поля, а как там, ну, с той стороны?

Огонёк замерцал.

– Нет никакой “с той стороны”. У жизни одна сторона. Только здесь сокрытого у человека нет, потому многие и страшатся умереть. Слепцу с памятью встренуться и лицом к лицу с плодами своей жизни – всё равно как к огню приклониться.

Любочка вдруг смутилась.

– А где ж оказываются те... ну, кто сам себя жизни лишил?

– Вот со своим и оказываются. От чего убегали, с тем и встречаются. Только времени тут не стаёт.

Любочка поёжилась.

– Наверное, это и есть ад, когда без времени. Так-то хоть какая-то надежда, что муть закончится...

В другой раз баба Поля, предчувствуя расставание, наставляла уже открыто:

– Пойди, девонька, к Татьяне Ивановне. Она заведует краевым аптечным складом. Меня помнит хорошо. Тебе сейчас боле всего научиться общаться с растениями нужно, да с живой природой. Поработаешь у неё сборщицей трав. Татьяна Ивановна – женщина добрая, но ей палец в рот не клади. Она меня много лет обихаживала, всё хотела в тайны ведовства проникнуть, но на роду ей не это написано. Так что смотри.

С травами общайся как живым человеком, с почтением и уважением, тогда разговаривать с ними научишься. Всегда чувствуй суть явления, иначе оно не раскроется. Да не со своим приходи, а развесив уши и открыв душу. Добротой и лаской камень к себе расположишь...

Так всё и случилось. Татьяна Ивановна сразу устроила Любочку лаборантом. Поговорила с ней пару раз, увидела, какое сокровище Полина Захаровна оставила, серьезно принялась обихаживать.

Летом заставила Любочку подавать документы в медицинское училище, сама же выезжала с ней в поле для сбора лекарственных трав. А когда Любочка на её глазах каким-то чудом находила редкие растения, о которых даже знатоки с придыханием говорили, вообще от неё ни на шаг не отставала, боясь что-нибудь упустить.

Любочке удивительно быстро удалось научиться общаться с природой. Для неё она раскрылась таким многообразием жизни, что старые привычки к праздному времяпрепровождению стали казаться странным и неуместным заблуж-

дением. Правда, и люди, особенно прежние знакомые, предстали в новом свете. Теперь Любочка смотрела на их представления о жизни как на заблуждения неразумных и очень капризных детей.

Ещё более удивительное для ведуньи началось, когда ей стала открываться природа человека. Хвори и страдания оказались следом людских заблуждений. Открыв это для себя, Любочка принялась изучать сами истоки болезней. Одно дело унять зубную боль, а другое – её вылечить.

По городам тогда много объявилось всяких целителей да колдунов. Разъезжали, народ охмуряли, деньги большие зарабатывали. Случилось Любочке избавить Татьяну Ивановну от её застарелых болячек по женской части, она и ухватила за идею открытия центра народной медицины. Но Любочка, помятуя о наказе бабы Поли, наотрез отказалась.

– Не в том счастье, чтобы суму свою набить, а чтобы человеком стать, мимо жизни не пройти. Вам, Татьяна Ивановна, большая благодарность, что помогаете в начинаниях, но ничему, видно, не научила Вас болезнь, от которой избавились. Потому она к Вам пристала, что больше сторонним занимались, не своим то есть.

Когда человек со своей дороженьки сворачивает, тогда болеть и начинает. Смысл любой хвори в том заключается, что она приходит ко всякому, кто силы тратит на возделывание чужих садов... Или слишком много на собственный, забывая про остальную Землю.

Все болезни – вестницы потери человеком меры.

В то время в городе гастролировал экстрасенс, на всю страну известный. По телевизору его часто казали. Он всё пыжился, чудесами людей кормил, авторитет завоёвывал.

И вот собрал этот экстрасенс полный зал любопытствующих, начал опять их тайными чудесами потчевать, да исцелять от порчи и сглаза любого, как вдруг перехватило у него горло.

Видно, серьёзно случилось, что со сцены убежал. А Татьяна Ивановна среди городского начальства в первых рядах сидела, сразу смекнула, сказала ассистентам кудесника про Любушку.

Те покумекали (сами-то ничего для “кормильца”, как припёрло живое дело, сделать не могут) собрали бедолагу да на машине к ведунье свезли.

Любочка приняла с почтением, посмотрела и говорит:

– Горю я Вашему помогу. Только в следующий раз, если не оставите этого чёрного шарлатанства, случится много худшее, уже никто не спасёт, так как против естества божественного идти пытаетесь.

Экстрасенс было взвился, а возразить-то нечего. Выгнал посторонних и согласился на Любочкины условия. Та провела по его горлу рукой да сняла козявку.

Подивился кудесник доморощенный, начал сулить горы золотые, если она с ним в Москву поедет. Любочка же только головой покачала. Так посмотрела на неугомонное чадо,

что тот разом осёкся и быстренько со своей компанией ретировался. Совсем ретировался, сразу уехал из города, больше туда не возвращался.

Судьба у Любочки, скажу я Вам, интересная складывается. Сколько с ней всякого приключилось, не на один вечер хватит рассказывать.

Может, в другой раз чего вспомню к случаю, непременно поделюсь. Покамест, давай – спать пойдём, вон уж звёзды блекнуть стали, а мне вставать раным-рано.

СВЕТ В ОКОШКЕ

Когда человек смотрит в небо?

Да когда ему на душе тягостно – с надеждой на Отца Небесного. Или в радостном недоумении: за что, мол, такое счастье. А иные вообще головы не поднимают: “Чо я там не видел, в небе этом вашем?”.

Лёва Причудин, сидя в зоне, больше всего мечтал глянуть на небо глазами свободного человека. Вольным-то непонятно, что даже небесная высь за “колючкой” совсем по-другому воспринимается. Каждое проплывающее над головой облачко вызывает жгучую зависть и тоску – “Воля!”

Небо для эка – это Воля, её непререкаемый символ.

И вот лежит Лёва на тёплой земле, вокруг никого, а над ним раскинулось бескрайнее торжество Воли. Он даже хихикнул от нежданно пришедшей ему мысли:

“Вот если бы небо тоже... на какую-нибудь зону”.

Но Лёвка тут же посерьёзнул: “Не хрен! Пусть всё горит синим пламенем, а небо – дело святое”.

Первый срок Лёва получил по глупости – ещё подростком. Они с дружками вдоволь поглумились над прохожим, в поздний час ненароком оказавшегося около их компании – молодых да ранних сорванцов.

Как выяснилось потом, прохожий был народным избранником в местный исполком, поэтому для них дело не спустили на тормозах, а выдали по полной программе. И понеслось!

На “малолетке” Лёва получил “настоящую” школу жизни. Там его научили отстаивать свои интересы, но главный принцип, которым он стал по жизни руководствоваться: кто сильней, тот и прав.

После перевода на “взрослую” зону парню пришлось пережить крушение последних остатков веры в светлое начало человека, внедрённой в него советской школой.

Деньги и Власть – вот высшие ценности для людей. Это Они правят справедливостью и законом. Так что, когда вышел срок отсидки, Лёва имел довольно ясное представление о сути мира. Возвращаться к прошлому ему не хотелось, решил ехать в большой город и там затеряться.

Благо что Хозяином колонии оказался толковый мужик, так как своим подопечным давал возможность на зоне работать.

И Лёвка, благодаря его политике, умудрился получить несколько профессий. Освоил кое-что из типографского дела: переплёт, набор; кое-что по столярному ремеслу; кое-что по слесарному. Освоил эти ремёсла Лёвка основательно и за свою квалификацию не боялся.

“Примут, никуда не денутся. Таких работников, как я, ещё поискать!”

Однако нестыковки в Лёвкиных претензиях к своему месту на Земле выявились уже в поезде. Проводник сразу на него взъелся, а, увидев справку об освобождении, которой тот с гордым видом помахал перед его носом, так и вовсе глаз не спускал, нороя при каждом случае уязвить.

– На свободу с чистой совестью? Ах ты, мать твою итти, короста вонючая! Ещё и гордишься, что закон преступил! Люди из последних сил честно трудятся, страну из руин поднимают, а такие прыщи, как ты, ихние копейки крадут.

Лёвка было торкнулся в следующий вагон, но тамошний проводник, видно предупреждённый товарищем, его оттуда попёр. Вдобавок сосед оказался словоохотливым мужичком и, подслушав Лёвкины словопрения с вагонным начальством, всерьёз надел на парня:

– Мила-ай, я ж на киче почитай полжизни протрубел. Всякого повидал. Эт, брат, терь на сю жисть. Теперя ты вечный изгой общества получаешься. Не примет оно тя, и не жди... В столицу собрался? И-и-и! Никак там затеряться удумал? И-и-и.

Да первый же постовой тя с такой ксивой за сто первый километр отправит, али куда ещё подальше.

Лёвка хотел было как следует встряхнуть доморощеного мудреца, выместив на нём возникшую обиду, но в словах прохиндея была правда. В крупных городах, да и вообще, куда бы он теперь ни поехал, ему ничего не светило. Это он ясно увидел по первым контактам с долгожданной свободой.

“Вот она, бля, житуха! Приехал, называется. Проще на зоне оставаться”.

Лёвка с грустью смотрел через пыльное окно поезда на зеленеющие просторы отчизны и манящие жизнерадостные пейзажи родной природы. Но никто среди этой красоты Лёву не ждал, нигде ему не светило окно гостеприимного дома.

На подъёме поезд слегка притормозил и поехал медленней. Лёвку словно подбросило. Он схватил котомку и на ходу сиганул с крутого обрыва.

...В небесной выси ватными громадами неподвижно стояли растрёпанные облака. Где-то поблизости прогудел самолёт. Звук на минуту заполнил окружающее пространство и истаял. Лёвка беспечно раскинул руки, закрыл глаза, сливаясь с тишиной. Ему было хорошо. Мысли лёгким туманом смешивались в преддверии сна, постепенно облекаясь в образы. Душа незримо всплыла наружу, погрузив тело в дрему.

Лёвка пробудился от странного ощущения чьего-то присутствия и тут же принялся оглядываться. На небе уже появились первые звёзды, стрёкот кузнечиков стал громче. От

железной дороги раздавался шум проходящего поезда. Вокруг же по-прежнему никого не было.

– Бля буду, ерунда какая-то.

Лёвка встряхнул головой, отгоняя навязчивые ощущения. Быстро соорудив костерок, он достал из котомки банку тушёнки, печенье и шкалик “пшеничной”.

– Ну, гражданин начальник, как говорится, за наше здоровье.

Водка оказалась доброй. Основательно закусив, Лёва устался на огонь. Вместе с надвигающимися сумерками к нему вернулись невесёлые размышления о дальнейшей судьбе. На природе было хорошо и спокойно, но к людям, как ни крути, всё равно идти придётся.

“А что, поеду куда-нибудь в деревню или наймусь к геологам... Всё путём пойдёт”.

В темноте ближайшего кустарника ворохнулась массивная тень. Лёвка настороженно приподнялся, взяв в руки тлеющую головёшку.

– Э, кто там?

Однако в ответ только ветер прошелестел, унеся за собой всколыхнувшееся беспокойство.

“Отвык я... от жизни-то нормальной”.

Лёвка усмехнулся и вернулся к костру. Он неспешно докончил водовку с тушёнкой, решив после устраиваться на ночлег, как вдруг заметил невысокую фигуру, приближавшуюся к нему со стороны леса. Она будто плыла по воздуху

и, как показалось Лёве, слегка мерцала.

“Ёхари-бабай, что за привидение?”

Когда фигура вступила в круг света от костра, то стало видно, что это женщина.

“Ну-у, вот так сюрприз! Щас мы кости-то разомнём...”

Но Лёва осёкся, разглядев лицо женщины.

– Сеструха? А ты здесь откуда?

Та замерла в нескольких шагах от него и вперила взгляд на колыхающийся огонь.

– Да ты чо молчишь-то?

Лёвка оробел, чувствуя нелепость происходящего. Его движения сковал непонятный страх. Хотя трусом он не был, но что-то при всей правдоподобности облика сестры всё же смущало.

“Точно привидение, бля”.

В голове у Лёвы мягко прошелестело, будто перевернули страницу книги.

“Тебе нужно идти со мной”.

– Танька, это ты что ль говоришь?

Лёвка всё никак не мог врубиться в суть происходившего и не среагировал на мелькнувшую в сознании фразу. Она вновь повторилась.

– Не понял... Куда идти?

“За мной”.

Женщина плавно развернулась, направившись обратно к лесу.

– Э-э, ты куда? Подожди.

Не отдавая себе отчёта, Лёвка схватил котомку и бросился следом. Однако при всём старании догнать её он не мог.

Возле первых деревьев женщина сама остановилась, прямо перед ней в воздухе неожиданно возникла сияющая сфера. Лёвка ничего не успел сообразить, как с разбегу влетел в сгустившееся, словно кисель, пространство.

С этого момента для него разом исчезли все привычные ощущения мира, окружавшее было совершенно чужим. Хотя Лёва глазами ничего видеть не мог, но у него с обострившейся ясностью заработало внутреннее восприятие.

Так с ним всегда случалось в минуты опасности, что-то переключалось без спроса и выносило из беды. Но самым ужасным, исподволь дошедшим до сознания, явилось полнейшее безволие. Лёва практически полностью себе не принадлежал, он не мог двигать руками, ногами, поворачивать голову. Это его действительно поразило до глубины души.

“Во влип! Только без паники, Сеня, щас мы разберёмся, кто со мной решил в прятки поиграть”.

Но “разобраться” у Лёвки не получалось. Сознание начало растекаться на отдельные островки. В них он с удивлением созерцал целые сцены из прошлого, как будто просматривал по телевизору несколько программ одновременно.

Внезапно к этому присоединилось зрение. Сквозь прозрачную пелену Лёва видел странные картины: оружие в азартном порыве стадионы; площади, полные беснующих-

ся людей; какие-то нудные разборки незнакомых мужчин и женщин.

При этом через него протекали потоки липких излучений, бурыми испарениями исходившие от каждого человека. Лёве стало донельзя мерзко и муторно. Остатки самоосознавания клокотали в яром протесте от происходившего с ним. Оно отказывалось воспринимать окружающее, потеряв все привычные ориентиры.

Раньше Лёва даже не задавался вопросом – как он думает, каким местом, зачем, а тут до него дошло, что это подобно необходимости дышать, быть... Да, именно Быть! И Быть самим собой!!! Кто-то или что-то упорно, со знанием дела превращало его в ничто, в послушную амёбу.

Один из островков сознания вдруг заработал в автономном режиме. Он запульсировал в каком-то диком ритме спасительного отчаяния и вернул Лёвке воспоминание, как после этапа в очередной спецприёмник для малолетних преступников, его пытались низвести до “чма” тамошние “паханчики”. Делалось это ими с такой же методичной жестокостью...

Тогда Лёва восстал.

Казалось, уже не было сил сопротивляться оглушающему страху, смешанному с животным ужасом перед непонятной властью подобных ему пацанов. Но он вдруг понял, что если сейчас этому поддаться, то из “чма” уже никогда не выбраться. Это хуже, чем глотать испражнения из параша под

глумливое шипение блатной кодлы; хуже, чем добровольно пидораситься на “вечного петушка”...

Прозрачность сферы поблекла, картины окружающего слились в неопределённое месиво. То, где находился Лёва, завибрировало, началась болтанка. Сознание сжало чудовищными тисками чужеродной воли, превращая его усилия в прах.

Но Лёва сопротивлялся. Моментами он полностью выпадал из действительности. Островки сознания то стягивались воедино, то разлетались на мелкие кусочки, лишая человека малейшей надежды на возвращение к своеволию.

Сколько длилось подобное – Лёва не ведал, однако ему отступать было некуда. Ярость сопротивления оформилась в направленную борьбу за освобождение. Постепенно восстанавливались слух и ощущения тела. Но тут же начались видения чудовищных образов, от которых хотелось спрятаться, перестать воспринимать мир. При этом образы окутывали сознание, создавая иллюзию полной реальности...

...Бесконечное падение в бездну, полную самых изошрённых мучений и ужасов...

...Страдания беспомощного тела от непереносимой боли и медленного гниения...

...Безвременье...

Лёва обессилел и уже перестал к чему-то стремиться, лишь остатками всплесков детского упрямства сохранял отдалённое представление о самом себе.

...Небо! Сияние яркого голубого неба с ватными громадами растрёпанных облаков всплыло самым ярким после освобождения воспоминанием. В нём было столько величественного спокойствия, что помрачающие образы сразу ушли на второй план и перестали перемалывать остатки человеческого сознания.

К Лёвке вновь вернулись ощущения тела. Он словно завис в пространстве, лишённом гравитации, с распростёртыми в водянистом объёме руками и нога ми. Тряска и вибрирование прекратились. Окружающая сфера стала прозрачной. Где-то внизу раскинулись бескрайние просторы Земли с аккуратными квадратами полей, разделённых едва различимыми лентами дорог. Лёва будто завис в поднебесье и вот-вот рухнет вниз. На сей раз страх оказался неподдельным, но сил реагировать на него не было.

“Эх, воды бы”.

Сфера мигнула, тут же переместившись к самой земле. Теперь вокруг бушевал горный водопад. Брызги сияющими каплями разлетались по воздуху, создавая хрустальную завесу над местом падения потоков воды. Лёва мог улавливать её холодную свежесть и даже запахи мокрых камней.

“Как тут шумно...”

Не было понятно, кому принадлежало произносимое. Лёвка ещё раз взглянул на буйство природы и рухнул в сон.

Пробудился Лёва в полной уверенности, что находится

в зоне. Сквозь утреннюю дрёму ему показалось, будто его, сонного, связали по рукам и ногам для очередного прикола над “молодым”.

– Ну бля, кореши, я вам щас устрою приколы...

Когда глаза открылись, то в первые мгновенья Лёвка никак не мог взять в толк, почему вокруг сплошная стена деревьев, а не ровные ряды двухярусных кроватей.

– Да что за приколы-то...

И тут он, наконец, вспомнил происшедшее. Давалось это с огромным трудом, мысли ворочались неподъёмными жерновами, никак не желая выстраиваться в цельную картину.

Лёва осторожно пошевелил рукой, она подчинилась. Так же осторожно он огляделся. Сквозь едва заметную пелену, окружавшую его со всех сторон, виднелись могучие стволы хвойных деревьев. Прямо под ним небольшим пяточком зеленела полянка, на которой беспечно кормились несколько пятнистых оленей. Спины их подрагивали от возбуждения, олени пощипывали травку, каждый раз чутко поднимая кверху свои маленькие головы. Лёвку они не замечали, хотя тот был в трёх метрах от них.

– Эх, размяться бы...

Тотчас перед Лёвкой вновь сгустилось пространство, и он через него выпал наружу. Олени шарахнулись в чащу, но обалдевшему человеку было не до них. Он неуверенно поднялся, ещё не веря в случившееся. Медленно по вернув голову, Лёва увидел зависший над собой приплюснутый диск

треугольной формы. Его оболочка слабо мерцала холодным светом.

– О-о, тарелка!?

Лёва испугался собственного голоса, но тут же зажмурился и снова открыл глаза. Диск по-прежнему парил перед ним.

– Ах ты, ё-о!

Тело, повинувшись безотчётному импульсу, ринулось в лесную чащу. Несколько раз Лёвка падал, спотыкаясь о коряги, но, несмотря ни на какие препятствия, всё бежал и бежал прочь от злополучного места. Его панический бег остановило внезапно открывшееся шоссе. Лёвка хотел было опуститься прямо на обочину, однако услышал далёкое шуршание автомобильного мотора. Из-за ближайшего поворота вывернул легковой автомобиль.

– Эй, эй, остановись!

Автомобиль затормозил. Лёвка ринулся в салон, руки у него дрожали, он с трудом мог объясняться.

– Дяденька, увези меня отсюда... Увези, говорю... Нельзя здесь мне... Заберут.

Лёвка поначалу не разобрал обращённого к нему вопроса, всё ещё пребывая в состоянии горячечного бега. Но, когда “дяденька” вынул из приборной панели рацию и что-то проговорил на иностранном языке, он слегка протрезвел. Перед ним сидел крупный мужчина явно в форменной одежде и, судя по знакам различия, был полицейским. Таких Лёва видел в американских боевиках.

Салон машины так же свидетельствовал, что он находится не среди отечественных весей.

Полицейский вновь повторил свой вопрос. Лёвка замотал головой.

– Н-непонимаю я Вас... Русский я, русский!.. Тарелка там, понимаешь... Тарелка меня!..

Полицейский внимательно оглядел странного пассажира, и что-то проговорил по радиации. Дождавшись ответа, он тут же развернул машину и на большой скорости поехал в обратном направлении. Лёвку начала колотить крупная дрожь. Мужчина бросил на него короткий взгляд и протянул термос.

– Аха, с-спа-си-бо...

Глоток горячего кофе Лёвку немного взбодрил, и он смог оглядеться. Теперь ему показалось, что даже пейзаж вокруг какой-то нерусский, подчёркнуто аккуратный, что ли. И автомобили, которые начали попадаться навстречу, сплошь были иностранными.

Через несколько минут они въехали в небольшой городок и остановились напротив одноэтажного особняка. Возле него стояла женщина, видимо, поджидавшая их. Полицейский вышел из машины и вежливо поздоровался. Они переговорили, после чего женщина села в салон, обратившись к Лёве по-русски, при этом не совсем правильно подбирая слова:

– Хлопчык, шериф спрашивает: кто ты и откуда?

Лёвка оторопел.

– А я где?

Женщина успокаивающе улыбнулась.

– Это Канада, хлопчык. Ты, верно, захолався?

Лёвку прорвало.

– Послушайте, тётенька, вы ему скажите, что меня тарелка украла. Я из России. Вляпался, бля, врагу не пожелаешь.

Женщина непонимающе нахмурилась и посмотрела в сторону терпеливо ожидающего разъяснений шерифа.

– Хлопчык, ты не части, я на ридной мове давно не злякалась... У тебя документы какие-нибудь есть?

Лёва было потянулся за справкой об освобождении, но, вспомнив поезд, мотнул головой.

– Да они у меня в котомке остались, а та в тарелке. Говорю же, умыкнули меня... эти...

Лёва осёкся, подбирая слова, но в бессилии махнул рукой.

– Там они остались.

Женщина что-то проговорила шерифу, и перевела для Лёвы его вопрос:

– Хлопчык, шериф спрашивает, что ты делал в лесу и как туда попал?

Лёва потряс перед собой руками.

– Да не знаю я! Говорю же, вляпался, врагу не пожелаешь. Вы ему скажите, я русский, Лёвкой зовут. Тарелка-то в лесу осталась. Но я туда не за какие ковриги не вернусь... Ты ему скажи, пытали они меня, паскуды.

Женщина поёжилась, с трудом вникая в смысл речей

“хлопчыка”. Затем с почитительной робостью что-то сказала шерифу, тот хмыкнул и плавно тронул машину с места.

Они подъехали к двухэтажному зданию, около которого были припаркованы несколько полицейских автомобилей. Лёвку провели внутрь. В одном из кабинетов шериф попросил его показать содержимое карманов.

Пока он рассматривал всякие мелочи, женщина внимательно изучала “единственный документ”. После непродолжительного диалога по поводу выяснения личности подопечного, шериф сгрёб Лёвкино добро в небольшой пакет и подозвал помощника. А женщина, осторожно подбирая фразы, объяснила напрягшемуся “хлопчыку” суть происходившего:

– Послушай меня, Лёва, внимательно. Шериф обязан задержать тебя до выяснения твоего гражданского статуса. Если ты не сможешь рассказать, как очутился на территории Канады, то попадёшь под действие статьи о нелегальном пересечении границы...

Лёва взвился.

– Да вы чо!?! Охренели! Я ж сам врубиться ни во что не могу, а меня опять на нары! За что?

Женщина с вялым состраданием посмотрела на него и пожала плечами. Вошедший помощник шерифа распахнул перед Лёвкой дверь. Тот как-то сразу сник.

– Что же вы, ребята, не слышите-то меня? Всё ж люди...

Несколько дней Лёва промаялся в камере в полном оди-

ночестве. Кормили его неплохо, выводили гулять в небольшой садик около церкви. Полицейский сержант умудрился даже где-то раздобыть несколько российских журналов. Но от неопределённости и безделья было всё равно муторно.

Однажды к Лёве пришла местная женщина, та самая, что помогала шерифу с ним общаться. Она вежливо поинтересовалась здоровьем, принесла какую-то свою стряпню. Но говорить с ней ему совсем не хотелось. От маяты и непонимания Лёва стал впадать в хмурую меланхолию.

Женщина потопталась рядом и собралась тихо уйти. И вот тут, глядя на закрывающуюся дверь, Лёва неожиданно заголосил:

– Послушайте, тётенька, вы там скажите этому шерифу – я согласен! Поедьте, я покажу, где та зараза стоит. Ну, эта... тарелка. Вы мне верьте, тётенька! Нету у меня никого кроме вас, чтобы выбраться отсюда. Помогите...

Женщина долго смотрела на застывшую в последней надежде фигуру помешанного бедолаги и, ничего не ответив, вышла. Лёва в бессилии опустился на лавку.

“Ну, теперь всё, по судам затаскают, падлы”.

На следующий день шериф пришёл с худощавым мужчиной, который посто явно шурился на свету и зябко передёргивал плечами, словно ему было холодно. Он долго осматривал Лёву, дёргал его, тыкал в колени молоточком, задал несколько вопросов через англо-русский разговорник. А потом написал какую-то бумажку и ушёл. Шериф повертел бу-

мажку перед глазами и с досады сплюнул.

Лёва усмехнулся.

– Что, дядька, пора сухари сушить?

Шериф пристально посмотрел на него и жёстко ответил.

– Да не понимаю я по-вашему, ребята. У нас в спещухе один немецкий давали, но я и его похеривал.

Рано утром Лёвку разбудили голоса за стеной. Они показались ему знакомыми. Сержант вошёл к нему и кивком пригласил к выходу. В кабинете шерифа был он сам и всё та же добровольная переводчица. Она ласково поздоровалась с ещё не пришедшим в себя ото сна Лёвой.

– Хлопчык, если ты не передумал показать место... где лежат твои вещи, то шериф согласился тебя туда отвезти. Сможешь ли ты указать это место?

Лёвка разом проснулся.

– Да конечно, ёхари-бабай! Седлайте коней.

Всю дорогу Лёва боялся, что напрочь забыл, как бежал до шоссе. Но стоило ему войти в чащу, и ориентиры панического бегства будто сами собой начали возникать на их пути. А может, тело подсказывало. Оно до сих пор ныло от многочисленных ссадин и ушибов.

Шериф шёл немного позади, а сержант и женщина старались идти рядом с Лёвкой. Солнце уже стояло над головой, а они всё брели и брели по довольно дремучему лесу. Лёву начали одолевать сомнения, что он вообще сможет выйти на заветную полянку, да и будет ли там его дожидаться совер-

шенно чуждое человеку творение чьего-то разума.

“Там же олени паслись!”

“Олени, олени...” – эта мысль целиком заполнила сознание Лёвки. Он больше ни о чём не думал. Даже страх перед возможной встречей с хозяевами “тарелки” ушёл куда-то на задний план. На очередной полянке он бессильно остановился и принялся озираться.

“Вроде похоже, а вроде, та была побольше... А чо я, в натуре? Тарелки-то всё одно нету. Да где ж я её теперь найду, заразу?!”

Лёвка встретился со взглядом шерифа и похолодел, в нём светилось полное понимание его затруднений, больше тот ему не верил. Вот-вот рот его раскроется, и он прикажет поворачивать назад. И всё! А что “всё”, теперь Лёвка даже представить не мог.

“Да где же ты, чучело взеземное!?”

Практически сразу над местом, где стоял Лёва, появилось знакомое голубоватое свечение, воздух разом уплотнился, и в метре над его головой возник треугольный силуэт “летающей тарелки”. Первой вскрикнула женщина.

– Матерь божья! Что ж это такое?!

Сержант вскинул карабин, скосив глаз в ожидании приказа от шерифа. А тот застыл в каменном изумлении. Лёвка подпрыгнул от радости.

– Ну, вот же она – тарелка-то эта!

Вот такая история. Что случилось с Лёвкой Причудиным –

не ведаю. Шерифа с его сержантом куда-то отправили по их ведомству. Но о них тоже ни слуху – ни духу. А вот женщина успела где-то заховаться. Долго её потом всякие разведки искали, да, видать, и на них проруха есть, раз тайну уберечь не смогли.

ПРО КОНЕЦ СВЕТА

Вроде бы и ежу понятно – гвозди, хоть изжарь их на масле, всё одно не разжевать. Пусть даже от природы тебе даны железные зубы. Но, как ни крути, человеку, если его пробирает морозец, хочется в тепло, а когда припекает солнышко, то ему непременно потребна зимняя позёмка.

Наверно, от того все наши проблемы и случаются... А чего бы тогда люди-то чем дальше, тем больше норовили от тишины убежать? Словно тишина и покой для них злейшие враги или смертная пытка.

Смотрю я на нынешних и диву даюсь – то они, понимаешь, от избытка времени на стены лезут, не зная как ещё наизнанку вывернуться, лишь бы убить случившуюся минуту; иль от отчаяния аж пищат: “Не уходи мнавенье, ты прекрасно!”...

Посуди сам, сколько умных людей ни нарождалось, а главную проблему жиз ни так до сих пор и не разрешили. Тут ведь умом-то сколько не раскидывай, никакого интеллекту не хватит. Одним напряжением мозговых извилин вселенную не объять!

Деловых да башковитых мужчинок во все времена хватало. Денег заработать для них особых трудов не составляло. Главным было решиться на риск, чтобы оторвать задницу от насиженного места.

Проблема только в том, как эти деньги с толком потратить. А то общество блазнит всякими заманчивыми погрешками, которые и деньги незаметно забирают, и жизнь через них махом прожигается, от человека один пепел остаётся.

Вот случилось одному бизнесмену крепко заработать. Не потому что подфартило, а потому как мужчина он был разумный, рачительный. И образования у него хватало всякого. В общем, не лапоть, которому только бы ухватить на два рубля да просрать на десять.

Партнёры у бизнесмена хорошие, надёжные. Пришёл срок прибыль на очередное увеличение капитала пускать, они и спрашивают: чего, мол, делать, в каком направлении дальше пойдём?

Соблазнов-то вокруг много. Куда не глянешь – повсюду фешенебельность на фешенебельности едет, фешенебельностью погоняет.

Тогда же в мире на все лады стали много говорить о конце света. А бизнесмен, человек наблюдательный и расчётливый, увидел, что творится на Земле, как её богатства на ветер пускаются, ну и решил призадуматься над этим.

Вроде бы технология улучшает жизнь народа, больше вре-

мени освобождает ему для досуга. В некоторых странах вообще сплошной праздник – работают уже по три-четыре часа в день. Да и то там никакого тяжёлого труда нет. Самолёты в небе летают с пятиэтажный дом, круизы на них вокруг планеты через все континенты. Человек начал другие планеты осваивать.

Но вот затыка, чем выше небоскрёбы со всеми удобствами, тем больше трущоб их окружает. Наркомании в благополучных странах с каждым годом столько, что кое-где власти сделали её легальной.

Ну а как иначе, ежели у человека свободного времени много, но разумения только на ковыряние в носу хватает? Отдыхать-то ведь тоже с умом нужно.

А где его взять, этот ум, ежели чело век не трудится и, понятное дело, не развивается? Может, труд и не создал нас из обезьяны, но коли он отсутствует, то человек в обезьяну обращается наверняка.

В погоне за прибылями всякие компании-концерны природу превратили в заложницу своих неутолимых appetитов. Какой там человек с его интересами, ежели денег за вырубленный лес дадут столько, что хватит все столицы мира своими конторами застроить. Кто ж от такого откажется?

Государства, которые побогаче, за обладание пусть даже небольшим нефтяным месторождением запросто могли стереть с лица Земли какой-нибудь народец победнее да понерасторопнее...

Природа в ответ всюду матерится: тайфуны, землетрясения по несколько на неделе. Погода сдурела – посреди лета снег выпадает, а ежели дождь идёт, то кислотный.

Посмотрел на всё это бизнесмен и решил, что человек в ближайшее время вряд ли изменится. Так что все эти хироманты-предсказатели на счёт грядущего конца света не ошибаются. И нет для него лучшего вложения накопленных денег, чем в строительство Ноева ковчега на современный лад.

Партнёры было посмеялись, да видят, парень за идею взялся всерьёз, и отступились с разубеждениями – у богатых свои причуды.

А бизнесмен купил в далёком краю посреди глухих лесов и высоких гор большой участок земли, начал строить Дом со всеми последними техническими достижениями цивилизации. Пробурил глубокую скважину, соорудил ёмкости для воды; закупил надёжные установки по выработке энергии; запасся продуктами на несколько десятилетий, и зажил себе в ожидании пришествия конца света.

Прошёл год-другой, в мире продолжала твориться полная чехарда. Но он упорно выживал, не взирая ни на какие сюрпризы со стороны беспечного человечества.

Сонно вперившись в огромный экран телевизора и наблюдая за ужасами последствий засушливого лета где-то в Африке, бывший бизнесмен спокойно ждал неотвратимого.

С каждым днём его вера в то, что конец света вот-вот свер-

шится становилась всё сильнее.

Однажды отшельник целый день просидел около телевизора, беспрестанно переключая программы новостей. Те надрывались, в подробностях освещая назревающий конфликт между двумя сверхдержавами, которые не поделили каких-то своих интересов на Балканах.

Уже все самолёты с ядерными бомбами замерли на аэродромах в ожидании последней команды, морские корабли навели пушки да ракеты на противника...

Но в последний момент президенты решили разойтись миром.

“Ничего, голубчики, ещё не вечер. Нынче не столкнулись, так завтра на арбузной корке поскользнетесь, не заметите”.

Со стороны, понятное дело, происходящее видней. Вот и отшельник-Ной пока целенаправленно разбирался в происходящем с людьми, сделал вывод, что они не успеют помудреть – раньше под собой сук спелят.

Нет, конечно, мудрецы среди народа были, правильные слова изрекали, учили. Но человечество в целом оставалось к их призывам глухим, а к их жертвенным поступкам – слепым. Потому как всеми своими базисами и надстройками интересовалось только играми в песочнице (*как бы значительно для них самих эти игры не выглядели, всё одно, уберри помпу да словоблудие, с нутра любое дело окажется безалаберным детством*).

Случилось ЭТО тихо и буднично. Утром в новостях рассказали об очередном пограничном инциденте двух азиатских государств, а к вечеру они уже бомбили друг друга атомными бомбами. Их союзники, не долго думая, принялись понужать всех тех, кто оказался против.

До Ноева Дома ничего не доносилось. Только на вторые сутки трансляции всех телекомпаний мира прекратились. В эфир ещё выходили некоторые радиостанции, но кроме воя и стенаний в их передачах ничего не звучало.

Отшельник покрутил было ручку настройки, да плюнул, пошёл смотреть видеофильмы. Благо, что он предусмотрительно запасся практически всем киношным наследием погибшей цивилизации.

Для отшельника вовсе бы ничего не изменилось, однако небо стало окрашиваться в пугающие багряно-пепельные цвета. А вскоре счётчики Гейгера начали показывать возросший радиационный фон, который усиливался во время жутких ливней и периодически налетавших ураганных ветров.

В остальном же для Ноя всё осталось по прежнему. Но однажды он поймал себя на том, что неотрывно смотрит на пылесос. Смотрит долго, даже позабыв дышать. Очнулся, а мысль в голове одна:

“Ведь ничего не осталось!!! Ведь всё погибло! Всё, к чему я с детства привык”.

Ной вспомнил, как он купил свою первую в жизни квартиру и приехал в неё с друзьями. Тогда он радовался как ре-

бёнок, что задуманное у него получилось, и что все трудности удалось играючи преодолеть.

Потом они до поздней ночи слушали любимую музыку. А потом пошли в парк. И там под мерцающим куполом звёзд...

“Всё, всё!...”

Лето в нынешний год так и не наступило. Погода с угрюмым равнодушием меняла липкий дождь серым снегопадом или смешивала их в диких хороводах стихии. Лишь изредка на слепом небе появлялось холодное солнце, которое тут же исчезало в очередной круговерти ненастья.

Радиоэфир совсем оглох. В нём перестали появляться сообщения даже от имени всяких стихийных правительств несуществующих больше государств. И на приборной панели тюнера названия столиц мира теперь представляли странным анахронизмом.

“Вот интересно, как сейчас выглядит Лондон? ... Или Париж? Никогда не любил торчок Эйфелевой башни. Она мне напоминала старую проститутку... Костлявая проститутка – символ столицы мировой культуры! Ха-ха-ха...”

Отшельник Ной прекратил выходить на прогулки по окрестностям своих владений, большую часть дня и ночи просиживая в обществе двух огромных овчарок возле каминна и потягивая доброе испанское вино.

Ной старательно отгонял от себя нечто присутствующее помимо его воли, готовое набросится на него с мыслями и

воспоминаниями о прошлом.

Но как-то, поднявшись на обзорную площадку Сторожевой башни, он увидел чистое звёздное небо. Оно было совсем как в былые времена – прозрачным и глубоким, освещённым мерцающей россыпью далёких светил.

Ноя охватила тоска. Тоска странная – по навсегда утраченному ощущению присутствия других людей, их невидимой жизни, исходящего от них дыхания страстей, мыслей, чувств...

“Да что со мной?! Эдак недолго и с ума сойти. Горевать по самоубийцам? Не-ет! Я, как и всякий эгоист, впал в хандру из-за склонности жить прошлым, каким бы оно ни было. Вот и вся психология! А на жадное, неразумное человечество мне плевать. Хотя, конечно, некоторых из его представителей мне будет очень не хватать. Но спастись они отказались. Это их право выбора”.

Ной почувствовал, как железная логика его могучего рассудка сделала своё дело – он успокоился.

В ту ночь отшельник безотрывно смотрел фантастические видеофильмы о переживаниях людей после ядерной войны и горько улыбался. Актёры играли хорошо, но их профессиональным выкаблучиваниям как-то не верилось. Всей своей сутью эти люди были там – в мире, где об ужасах армагеддона любили порассуждать между второй и третьей рюмкой коньяка.

Прошло, может быть, полгода, может год. Ной перестал

следить за календарём, который напоминал ему о безвозвратно ушедших праздниках. Наконец наступил сезон устойчивого тепла. Небо перестало пугать противоестественной смесью красок, солнце выглядело таким же ласковым и добрым, как тогда...

Обработав антирадиационной аэрозолью собак и одежду, Ной отправился в сторону дальних скал, с которых можно было обозреть все окрестности.

На вершине дул пронзительный ветер, с глухим воем растекаясь по узким каньонам гор. Распростёршийся пейзаж был пропитан одиночеством и тоской. Но скорей всего это было игрой воображения Последнего Человека.

“Последнего?!”

Где-то над линией горизонта в небо поднимался извивающийся столб чёрного дыма.

“Костёр?! Или просто пожар... Неужели люди?”

В глубине души ворохнулась надежда.

“Люди!? А впрочем, чего это я? Где люди – там опять проблемы. Толпы орущих попрошаек, которые профукали всё, что имели и отняли всякую возможность существования у прочей живности. Ну вот, а теперь они блуждают в поисках остатков цивилизации. Если найдут, просрут и их”.

Ной ещё раз вдохнул холодного воздуха и начал спускаться вниз. Счётчик Гейгера слабо потренькивал.

В следующий раз, переходя через сухое русло реки, Ной наткнулся на свежие следы кострища. Он долго стоял возле

пепельного круга и не верил глазам.

“Всё-таки люди”.

Внезапно его взгляд наткнулся на груды обглоданных костей, уже припорошенных бурым песком.

“Та-ак, а косточки-то... человеческие. Значит, homo sariens вернулся к первобытному строю. Чего и следовало ожидать!”

На прогулки Ной без оружия больше не выходил.

Через несколько дней сработала сигнализация дальнего оповещения. Чувствительные фотоэлементы зафиксировали вторжение в законные владения Ноя непрошенных посетителей.

Включив мониторы, Ной от изумления замер. Перед ним, подобно сцене из фантастического фильма, предстали остатки погибшей цивилизации. Конечно, можно было предположить намного худшую картину деградации человека, однако на экране разворачивалась реальность.

От бредущих по пожухлой траве людей исходило что-то омерзительное и пугающее. Толпа шла нестройными рядами, но кучно. В её голове тяжело вышагивали косматые верзилы. Все они были облачены в тёплые спортивные комбинезоны, которые уже полностью утратили яркие краски некогда модной отделки.

“О, опять торжествует сила мышц. Да здравствует новый эволюционный виток! Ур-рра!”

Ноя от брезгливого отвращения передёрнуло.

Ближе к верзилам держались закутанные в одеяла женщины. Их давно не мытые лица выражали тупую покорность и забитость. Чуть поодаль шли угрюмого вида парни с дубинами и кольями. Другого вооружения заметно не было. Со всем сзади в жалких лохмотьях, прихрамывая, ковылял тощий человек. Он напряженно втягивал ноздрями воздух и поминутно останавливался, чтобы передохнуть.

“Бред, полный бред”.

Ной пару раз представлял и просчитывал, как он будет поступать, если его владения всё же обнаружатся выжившими после возможного катаклизма людьми. И вот сейчас именно такие исчадия кошмарных снов приближались к его Дому.

Впрочем, кажется, эти пройдут мимо.

“Слава богу!”

Но тут Ной услышал, как внизу зашлись лаем овчарки.

“Та-ак, всё-таки не пройдут...”

На одном из мониторов мелькнули тени бегущих людей. Возбуждённо махая руками, к верзилам подбежали худосочные парнишки. Те выслушали их донесения и решительно повернули в сторону Дома Ноя.

Ной спустился вниз и успокоил собак.

“Давайте-ка, ребята, не будем поднимать лишнего шума. Пока поводов для беспокойства у нас нет”.

Снаружи слышались вопли, и почти сразу в ворота бухнули чем-то тяжёлым. Ной через громкоговоритель обратился к непрошеным гостям на нескольких языках, попросив их

немедленно покинуть территорию частных владений. Однако шум снаружи только усилился, и удары по воротам стали сильнее.

“Ну, не хотите добром, придётся вас убедить чем-нибудь посущественней”.

Ной вернулся к обзорным мониторам. Пришельцы сгруппировались у ворот и пытались дубинами проломить ворота.

“Аминь!”

На осаждающих, через вмонтированные в стены Дома трубы, выплеснулись струи слезоточивого газа. Люди в ярости завизжали и начали разбегаться прочь. Для верности Ной сделал несколько выстрелов из автоматического оружия в воздух.

“Ну вот, так-то лучше. На чужой каравай – рот не разевай”.

Некоторое время Ной наблюдал за удирающими в сторону скал пришельцами, а потом спустился в каминный зал. Тишина вновь воцарилась в его Доме. Негромкая музыка Вивальди разлилась по комнатам.

Две рюмочки конька успокоили взвинченные нервы отшельника и настроили его на философские размышления.

“Как всё же живуче человечество! Умудриться за несколько дней уничтожить всякую возможность для естественного существования и, всё равно, со слепым упорством продолжать цепляться за истерзанную собственными руками планету. Даже без каких-либо перспектив к очеловечиванию”.

Ной с грустью остановил взгляд на языках каминного пламени и поёжился.

“Как сейчас там... в темноте эти люди проводят своё время? Мрак, бр-р-р”.

В его душе вдруг поднялась волна возмущения. Так бездарно разрушить всё то, что было дорого для любого нормального человека!

“Неужели наши предшественники точно также погребли себя под пеплом вулканов и под водами мирового потопа? Выходит, прошлое нас вновь ничему не научило. И никакие мы не разумные.

Если сейчас планету не разнесли на кусочки, то потомки это сделают наверняка... Потомки!?”

Ной горько усмехнулся.

“Ох-хо-хо, долго ж придётся человечеству восставать из нынешнего свинства. Жаль, что я уже никогда... никогда! этого не увижу”.

Незаметно Ной задремал. Его разбудило прикосновение языка овчарки по кличке Друг. Собака нежно лизала безвольно опущенную кисть хозяина и предано заглядывала ему в глаза.

“Ах ты, мой верный товарищ! Знаешь ли ты, что на всём белом свете мы с тобой должно быть последние, кто сохраняет подобную дружбу? А впрочем, зачем тебе это знать? Достаточно того, что я один буду мучиться от понимания ужаса происшедшего. Давай-ка лучше пойдём – посмотримся, оста-

вили нас в покое двуногие или нет”.

“Двуногие” не ушли, их костры виднелись у самого подножия скал.

“Чёрт, ни себе, называется, ни людям. Чего ж ты добиваешься, стадо?”

Ночью несколько раз срабатывала тревога. Видимо, осаждающие делали вылазки с неясной надеждой, что вождь-оплот во тьме падёт скорей, нежели при свете.

Ной решил сменить слезоточивый газ на нервно-паралитический. А из автомата он уже стрелял над самыми головами дикарей. Это немного охладило пыл штурмующих. Но следующей ночью стало заметно, что костров в их лагере прибавилось.

Днём, глядя в искажённые звериной злобой хари своих бывших собратьев по разуму, Ной со спокойным ужасом понял: они не уйдут, пока не добьются своего, или...

Но об этом “или” он даже боялся подумать. Воспитанный на морали всеобщего гуманизма, Ной в своих расчётах не допускал никакой возможности преступления через черту человекоубийства.

“Нажать на курок, чтобы убить себе подобного?!”

“Ну, тогда они убьют тебя” – сказал внутренний голос.

“Ничего, ничего, в моих арсеналах хватит средств, чтобы остудить особо горячие головы”.

Ной провёл несколько бессонных ночей на Сторожевой башне, и уже начал успокаиваться, когда под вечер дикари

выстрелили из гранатомёта. Однако что-то у них не сработало, и заряд разорвался посреди толпы.

Вместо того, чтобы помогать раненым, обезумевшие люди набросились на искалеченных товарищей, тут же растерзав всех, кто ещё оставался в живых.

Движимый стремлением прекратить страшное пиршество, Ной выпустил овчарок за ворота и расстрелял несколько коробок с шумовыми патронами. Однако это возымело обратное действие. Жуткий вой, издаваемый сотнями глоток, проник сквозь толстые стены Дома и разъедающим ядом заполнил его коридоры и комнаты.

Обеспокоенный отсутствием собак, Ной через громкоговоритель тщетно призывал их вернуться. В горе и отчаянии он сорвал голос. И тогда Последний Разумный Человек не выдержал...

В яростном ослеплении он начал стрелять по осаждавшим. Разрывные пули сразу превращали в бесформенную массу всё, чего они достигали. Человек стрелял и стрелял, пока на поле перед Домом не прекратилось всякое движение. Потом, охватив руками голову, Ной сидел на ступенях Сторожевой башни, раскачиваясь из стороны в сторону.

Ночью дикари пировали. Их гортанные вскрики доносились до Дома, безвозвратно рассеивая остатки былого покоя.

Ной с потухшим взором стоял под стеклянным куполом обсерватории и бездумно смотрел в чёрный провал неба. Где-то в непомерной выси переливался млечный путь. Бриллианты

лиантовый блеск созвездий равнодушно струился на погружённую во мрак Землю.

Стрелец, Кассиопея, Жираф, Большая Медведица... Какие знакомые названия. Как же назовут их потомки? Может быть, так же? Может быть...

Дом взорвали сразу с нескольких сторон. Ной отстреливался сначала на нижних этажах, а затем, когда осаждавшие прорвались, отстреливался в узких переходах мансарды. Дикари несколько раз отступали, а потом и вовсе прекратили бессмысленный штурм, довольствуясь разграблением подвалов и подворья.

Бывший отшельник впал в тупое оцепенение. Для него размылась грань реальности и сна. Он до поздней ночи бродил по руинам Дома, запинаясь о многочисленные трупы и обгоревшие балки. Вдруг к нему что-то метнулось из темноты.

– Друг?!

Собака замерла в шаге от человека. Шерсть на боках была влажной от крови, сочившейся из глубоких ран, передняя лапа приволакивалась, а хвост болтался безжизненным обрубок.

– Друг, иди ко мне. Родной мой...

Глаза овчарки сверкнули алым огнём, из пасти вырвалось хрипкое рычание.

– Что с тобой? Это же я – твой хозяин.

Но собака ещё раз рыкнула и скрылась в темноте ночи.

Ной поражённо замер, сиюсья понять поступок Друга. На его зов больше никто не отзывался. Мысли в голове окончательно смешались, угрожая превратиться в неуправляемый поток.

– Где я?

Существо внутри съёжилось и тихо заскулило. Тело задрожало от зябкого холода предрассветных сумерек. Ной запрокинул голову в сереющее небо и глубоко вдохнул.

“Проснуться бы, Господи!”

Но и Он ему не ответил. Или Последний Отшельник Его ответа не услышал.

* * * * *

Што ты на меня так смотришь? Иди-ка лицо в озере сполосни. Человек ты умный, да того не разумеешь, што никакого ума не хватит весь мир в себя втиснуть, обязательно чего-нибудь упустишь.

ОХОТНИК ЗА
ПРИЗРАКАМИ

Слесарю-сантехнику Васе Мягонькому впритык к ноябрьским праздникам сильно не повезло – к нему прямо на рабочем месте пристало привидение. Причём оно недвусмысленно склоняло Васю к сожителству, за что сулило каких-то непонятных благ. Привидение было явно женского обличия, но сквозь довольно стройную фигуру просвечивали трубы

полузатопленного канализационными водами подвала. Это в сантехнике вызывало странные ощущения.

Вася прекратил мучить проржавевший болт крепежа и принялся размышлять вслух:

– Ах ты... – он бросил осторожный взгляд на колыхающийся в метре от него женский силуэт и пресёк сорвавшийся было с языка матерок, – Ёж твою клёш! Вроде бы я со вторника не прикладывался, а надо ж, какая манифестация случилась, ядрёна-корень.

Васе тут же вспомнилась недобрая молва среди товарищей по работе о его склонности к странной для слесаря причуде – он сильно увлекался запоминанием заковыристых словечек, типа: демонстрация, престижизитация, мастурбация или что-то в этом роде. И любил Вася употребить какое-нибудь эдакое изречение посреди застолья, когда все уже упились и не вязали лыка.

Ни один ладно сложенный многоэтажный мат не вызывал столь бурной реакции со стороны братьев по трубному делу. Пару раз опешившие сантехники Васю за это били, а потом плюнули, только вздрагивали и заливали огорчение за его чудачества доброй порцией водки.

– Ну, ёксель-моксель! Ведь скажешь про такое, поди с работы попрут, или, чего доброго, на принудилровку направят.

Вася смурно глянул на упорно дефилирующее поблизости привидение и смачно сплюнул.

– Что б тебя...

Он было вернулся к работе, но привидение начало приставать настойчивей. Тогда Вася ухватился за увесистый гаечный ключ и размахнулся.

– Уйди от греха, заморочка! Не то прибыю ненароком.

Однако ключ прошёл сквозь привидение, зацепив паровую трубу. Васе пребольно отшибло ладонь. Он скорчился и натужно зашипел:

– Как же ты сношаться собралась, нежить подвальная, ежели у тя плоти нету? У-у-у...

– Не твоя забота, родимый, ты главное соглашайся, – прошепел мертвенный голос.

Вася от ужаса вскрикнул, и опрометью выбежал из подвала. По пути домой он купил пол-литровку и сразу её оприходовал. Когда в бутылке оставалось меньше половины, он спохватился. Ведь жена, если застанет его пьяным, ни в жизнь не поверит рассказу.

С досады он прикончил бутылку, но до прихода супружницы начал в квартире приборку.

Жена пришла под вечер и сразу подозрительно огляделась.

– Чё эт ты? Никак опять зенки залил, горе луковое?

Вася робко топтался на пороге кухни.

– Люсь, ты только не волнуйся, я это со страху... Со мной тут приключилась оказия, етти её мать.

Люся нахмурила лоб.

– Чё опять?

Вася махнул рукой в сторону окна и горячо заговорил:

– Представляешь, прямо на работе... Был как стёклышко!

Поверишь, ни граммульки со вторника. А тут... привидение!

Люся всплеснула руками и, бухнувшись на табурет, заголосила:

– Господи, боже мой! Дети ж только-только в школу пошли! А этот... ирод, допился до ручки! Что ж мне, горемычной, делать-то... Ы-ы-ы...

Вася растерялся и как-то сразу протрезвел.

– Да верно тебе говорю, дура-баба! Эт я со страху банку высосал. Вон она под рукомойником стоит. Было, тебе говорю!

Люся вздохнула и покачала головой.

– И-и-иро-од! Не пойдёшь к врачу – разведусь.

Вася помрачнел.

– Дак они ж меня на принудиловку... А я, в натуре, видел. Люсь, если хочешь, пить больше не буду. Точно те говорю!

Вася оглядел окаменевшую супружницу и обречёно вздохнул.

– Эх, ирригация, етти её в корень! Не жизнь, а малина.

На следующий день Люся отпросилась с работы и решительно настояла на визите в наркологический диспансер.

Лысенький врач коротко расспросил Васю о происшествии и прописал какие-то таблетки вместе с посещением его сеансов гипнотерапии.

Таблетки Вася утопил в ближайшем открытом колодце, и, скрепив сердце, двинул в злополучный подвал.

В полусумраке тихо капала вода, шуршала оторванными краями намокшая от постоянной влаги толь, спёртый воздух смердел привычным для Васи букетом гнусных запахов. Было как-то необычно спокойно, и это внушало уверенность.

“Должно быть, померещилось...”

Но как только Вася взял в руки оброненный накануне гачный ключ, привидение снова выплыло из-за ржавого переплетения труб.

– Ах ты ж!..

Как он оказался в ЖЭКовской каптёрке, Вася потом вспомнить не мог. Его трясло крупной дрожью, которая никак не могла прекратиться. Тщедушный сантехник по фамилии Парфёнов долго смотрел на друга, а потом подсел поближе.

– Чё случилось, Васёк? Никак, на вымогателей напоролся?

Парфёнов не был по натуре трусом, но в последнее время, из-за происходивших в стране перетрубаций, стал одержим борьбой с “повсеместным присутствием” сионистской мафии.

– Не кани, браток, я тебя в обиду не дам. Пойдём, разбираться будем.

Он поднялся и, откинув полу спецовки, продемонстрировал Мягонькому здоровенный тесак.

– Во-от, найдутся и у нас длинные ножички на всякую чёрножопую шваль.

С трудом разомкнув рот, Вася проговорил сквозь клацанье зубов:

– По-огоди, Семёныч, не то... здесь...

Он отдышался.

– Тут вот какое дело...

Парфёнов выжидательно присел обратно, но в полной готовности сразу помчаться крушить врагов.

– Представляешь... на привидение напоролся.

Вася со слабой надеждой посмотрел в глаза Семёнычу. Тот осторожно отвёл взгляд в сторону.

– А ты эта...

Вася встрепенулся всем телом.

– Да не-е! Мы ж из-за авралов почитай со вторника по сухому! Ты ж знаешь!

Парфёнов согласно покачал головой.

– Я слышал, что мурзилка случается аж через неделю апосля запоя.

– Да ты что, Семёныч! Ну ладно вчера, а чего сегодня? Меня ж Люська к наркологу водила.

Этот аргумент погрузил Парфёнова в глубокие раздумья. Наконец он встряхнул головой и решительно поднялся.

– Лады, пойдём разбираться.

Вася оробел.

– Да ты чё, я боюсь как не знаю что.

– Ну дак струмент всё одно выручать надо.

Про брошенный в панике ящик с инструментами Вася на-
прочь забыл.

В подвале ничего не изменилось. Медленно переступая
через полузатопленные трубы, Парфёнов шагал первым.
Благополучно дойдя до распахнутого ящика с инструмента-
ми, он огляделся.

– Ну и хде привидения?

– Погоди ещё, может, объявится...

Сантехники выкурили по несколько папирос, когда Пар-
фёнов мрачно сплюнул и процедил:

– Понятна-а...

– Чего тебе понятно, Семёныч?

– Понятна, что тут дело нечистое. Польштергейст называ-
ется. Я давеча читал.

Вася невольно передёрнул плечами.

– Чё делать-то? Ведь хоть на работу не ходи.

– Не кани, Васёк, тута спициалист нужон. Знаю я одново
экстрасенса. Пойдёшь к нему, скажешься от меня. Я у него
давеча мойку менял, да денег не взял. Вот и в руку, едрёнать.

“Экстрасенс” вначале долго не хотел открывать. Но, когда
Вася на весь подъезд взмолился всеми святыми, двери рас-
пахнулись.

– Чего Вы орёте? Не надо привлекать излишнего внимания, проходите, проходите.

Экстрасенс как-то торопливо принялся выслушивать сбивчивый рассказ Мягонького, однако почти сразу махнул рукой, обрывая на полуслове.

– Если Вы, молодой человек, говорите, что капли в рот не брали, то сиё явление довольно просто объяснить...

Вася в нетерпении перебил хозяина.

– Вы извиняйте меня, но я человек простой, мне бы лучше помощь какую... Я заплачу.

Экстрасенс досадливо почесал кончик носа.

– Э-э... молодой человек, дело, конечно, не в оплате... Просто, понимаете, у меня приём... Я не могу отвлекаться, – он торопливо поднял руку, пресекая очередную вспышку Васиных умолений. – Но я Вам помогу... Так как случай достаточно... э-э, простой. Вы молитву Иисусову помните?

Вася наморщил лоб, тщетно припоминая что-нибудь из церковного.

– О нет-нет, не напрягайтесь, а то Вы мне весь астрал дома засорите. Вот Вам, – экстрасенс протянул Васе религиозный буклет с яркими картинками, – найдёте Иисусову молитву и, когда появится привидение, прочтёте её, осенившись три раза крестным знамением. Самое верное средство.

Не дожидаясь дальнейших Васиных расспросов, экстрасенс вытолкал того в коридор. Повертев в руках буклет, Мягонький со вздохом обречённого двинул изгонять нечисть со

своего рабочего места.

В сумерках катакомбы подвала обрели зловещую атмосферу. Громко кашлянув, Вася для верности зачитал молитву прямо у самого входа и три раза неумело перекрестился, походя вспоминая, справа налево нужно класть крест или наоборот. В ответ подвал отозвался глухим эхом.

– Н-ну, затирка вонючая... Тово!.. Держись терь!

Привидение вынырнуло сразу, как только Вася показался вблизи дальнего угла.

– Что ж ты меня покинул, человек? – Прошелестел мертвенный голос.

У Василия волосы на затылке начали медленно приподниматься в уже привычном чувстве утробного ужаса. Но мужественный сантехник, сглотнув сухую слюну, раскрыл спасительный молитвенник.

Благосклонно выслушав протяжные речитативы Мягонького, привидение подплыло практически к самому его лицу. Так, что Вася ощутил хладный сквознячок, исторгающийся от призрачной фигуры.

– Ты.. это, погоди... не замай...

Нащупав позади себя основную трубу, Вася бочком-бочком начал отступать к выходу.

– Сейчас я открою тебе сокровенную тайну, человечек. Все муки покинут тебя навек...

Вася покладисто кивал головой, всё быстрее перебирая ногами. Когда за спиной послышался характерный скрип

незапертой двери подвала, он развернулся и опрометью выбежал наружу.

На следующий день Вася пришёл на работу мрачнее тучи. Он категорически отказался от халявного участия в маленьком сабантуйчике, наскоро организованном бригадой аварийщиков, сел в углу в ожидании разговора с начальством и молча вперился глазами в выщербленную стенку каптёрки. К нему тут же подсел Парфёнов.

– Как дела, Васенька? Помог тебе экстрасенс?

– Пошёл он в... твой экстрасенс!

– Что, неужто не помог? Вот ведь, а про него даже в газетах писали... Мда-а.

Парфёнов задумчиво отстучал пальцами гимн спартаковских болельщиков и вернулся к разговору.

– Был я нынче в твоём подвале.

– Ну?

– Гну! Не видел я там никого. Вот твой струментик выручил.

Вася досадливо чертыхнулся.

– Да ты не тужи, Василёк... Э, мужики, ну вы потише там. Не гомоните, дайте с человеком поговорить... Знаешь, чё я думаю?

Василий с неохотой откликнулся:

– Ну?

– Гну! Не запряг, не нукай. Я вот чево думаю: оно другим

не показывается, только тебе.

Мягонький горько усмехнулся.

– Ну, ты – Архимед, Семёныч. Конечно, только мне и является, раз трахаться зовёт.

Парфёнов поражённо замер.

– Трахаться!?! Такого ещё про приведений не слышал...

Да как же оно трахаться зовёт, ежели оно бестелесное?

Василий обречённо опустил голову.

– Я спрашивал, а она – не твоя, грит, забота, главное чтоб ты согласился.

– На что “согласился”?

– А я откуда знаю! Не расспрашивал.

Парфёнов заговорщически пододвинулся ближе.

– Дак, может, тебе того... расспросить?

Василий отрицательно мотнул головой.

– Не, я не могу. Такая, знаешь, жуть охватывает, когда она близко подкатывает. Язык проглатываешь, не то чтобы там чего-нибудь соображать. И от неё такой мертвечиной веет, проще пить бросить, чем с ней разговоры говорить.

Парфёнов соорил понимающую гримасу.

– Да-а, Васёк, без бутылки не разобраться.

– Ты извини, Семёныч, веришь, в рот не лезет.

Теперь Парфёнов задумался всерьёз. В этот момент Василия вызвали к начальству.

– Знаешь чево, Василий, ты давай сейчас бери отгул. Есть у меня одна мысль. Как вернёшься, изложу в подробностях.

После обеда Парфёнов, ничего не объясняя, потащил Василия на улицу.

– Да ты скажи толком, куда мы двигаем?

Парфёнов многозначительно поднял брови.

– Есть ещё одна управа на твоё привидение...

– Да не томи ты! Что за управа?

Тут Парфёнов остановился, ткнул рукой в сторону ближайшего здания и торжественно объявил:

– Вот!

– Что “вот”?

– Телевидение!

Василий разочаровано хмыкнул.

– Да ты что, Семёныч! Кого же мы им покажем, если эта стервоза только на меня клюёт?

Парфёнов хитро прищурился.

– Так ведь там чай не дураки работают, чего-нибудь придумают.

Но в студии их даже не выслушали, отправили в местную газетку, которая занималась публикацией сплетен и сенсаций сомнительного свойства.

Парфёнов долго матерился, стоя у самых ворот телецентра, а потом вдруг осёкся и схватил Мягонького за рукав.

– А пошли!

– Куда?

– Да в эту, в редакцию, мать её!

– Дак ведь опять куда-нибудь пошлют.

Но ушлый сантехник был настроен решительно.

– Пошли давай, где наша не пропадала!

В редакции бульварной газетёнки их направили к вёрткому парнишке, который сразу атаковал растерявшихся от бурного внимания ходоков заковыристыми вопросами. Он быстро вытянул из Василия всевозможные сведения о происшедшем и, схватив кепку, ринулся к выходу. Сантехники едва за ним поспевали. На ходу Парфёнов подтыкивал Василия локтём и ободряюще подмигивал.

– Вы скажите, товарищ корреспондент, почему ж нас на телевидении так отфутболили? Вроде столько говорят про всякие тарелки, про домовых, а тут такое невнимание...

Паренёк отмахнулся.

– Да на телевидении одни неудачники работают, – он окинул Василия снисходительным взглядом и добавил. – В общем, там одни подмастерья тусуются. А в газете ж надо мозгами шевелить, идти навстречу горящему материалу. Под лежащий камень вода-то не течёт. Так ведь?

Василий кивнул, с последним трудно было не согласиться.

У входа в злополучный подвал экспедиция исследователей остановилась. Василий озадаченно обернулся за поддержкой к Парфёнову.

– А как же Вы в подвал войдёте, товарищ корреспондент? Там воды по колено. А, Семёныч?

Семёныч изобразил пальцами тип-топ.

– Не тужи, Васёк, я ему свои боты дам. Мне как бы они

щас не нужны. Я вас здесь обожду. Но вы идите... осмотритесь.

Поначалу в колышущемся сумраке подвала Василию показалось будто бы, что в дальнем углу вырисовывается призрачный силуэт привидения, и он даже этому обрадовался. Но на деле там никого не оказалось.

Вася неуверенно потоптался возле рабочих козл, на которых обычно работал и обернулся к корреспонденту.

– Вот, собственно... тут всё и произошло.

Парнишка бодро огляделся. На его лице блуждала сардоническая улыбка.

– Ага, вижу. А что, говорите, Вам экстрасенс порекомендовал?

Василий досадливо сморщился.

– Да ну его. Брехун, наверное. Деньгу зашибает, лишь бы не работать.

Парнишка подхватил.

– Правильно мыслите, дорогой товарищ. Всякое шарлатанство и прочий обман народа легко можно объяснить с научной точки зрения. Время, знаете ли, такое, что всякая бездарная шваль пытается успеть пенки снять.

Василий покорно кивал, чувствуя, что и на этот раз ему не помогут. Но тут краем глаза он заметил мелькнувшую сзади корреспондента тень. К ним приближалось привидение.

Изменившееся выражение лица сантехника заставило впавшего в разглагольствования корреспондента медленно

повернуть голову по направлению его взгляда. Неизменная сардоническая улыбка сразу сменилась маской неподдельного ужаса. Паренёк громко взвизгнул и, не разбирая дороги, бросился к выходу.

Привидение подплыло к Мягонькому.

– Ты решился, человечек? Сегодня последний срок.

Прошелестевший голос нежити вдруг всколыхнул где-то глубоко внутри Василия волну отчаянного раздражения.

– Что ж ты, херовина, людей-то пужаешь? Нешто тебе делов нет, только жуть вкруг себя разводить?

Вася от возмущения даже поперхнулся.

– Я, бля... решил!

Он выпрямился и, как перед дракой, зло сплюнул перед привидением.

– А пошла-ка ты на...

Вася хотел ещё что-то добавить, но вдруг заметил, как силуэт призрака дрогнул и растаял.

– Вона как! Нашего мата запужалась?! Получается, и на их старуху проруха есть.

Выйдя наружу, Василий сощурился на солнце. Тут же к нему подбежал Парфёнов.

– Вася, друг, как ты? Я уж, было, хотел на помощь идти, да этот р-респондент так в моих ботах и усигнул. Неужто при нём объявилось?

Мягонький продолжал счастливо щуриться на солнце.

– Э-эх, Семёныч! А не жажнуть ли нам по маленькой!?

– Да ты не томи, рассказывай.

– А чё рассказывать-то? Послал я её куда подальше, она и исчезла... Зараза!

– Как, совсем исчезла?

– Хочешь проверить? Могу сапоги уступить.

Парфёнов обижено насупился.

– Ты чё гонишь, Васёк? Будь человеком, скажи толком.

Мягонький счастливо улыбнулся.

– Вот пойдём, за пузырьём – всё те в подробностях расскажу.

Парфёнов с сомнением оглядел кроссовки корреспондента и вдруг расхохотался.

– Слышь, Васёк, а ведь мы с тобой щас можем свою контору по уничтожению привидений организовать. А? Как думаешь? Я кино смотрел про таких. Денег загребать начнём.

Через некоторое время в местной газете бесплатных объявлений появилось пространная реклама:

“За умеренную плату подчистую изведём всякую потустороннюю нечисть. Обращаться по такому-то адресу. Транспорт за счёт заказчика”.

ОБОРОТНИ

Подле одной деревни объявилась напасть – стал пропадать скот. Поначалу подумали, что это дело рук цыган, но по первым морозам пропала жена председателя. Её пустые возки нашли подле самого леса, а рядом с ними на свежевывавшем снегу отчётливо виднелись звериные следы.

До приезда следователя сильно озадаченные колхозники принялись выстраивать версии происшедшего:

– Это что за такая большуша собака тута пробежала? Верно, размером с телка.

– Сама ты собака! Это ж волчьи следы.

– Ой-ой, охотник нашёлся. Ты, Ефим Трофимыч, когда в последний раз ружо-то своё со стенки сымал?

Ефим Трофимович, отставной лесник местного леспромхоза, на подначку не обиделся.

– Ты, дурында, языком чеши поменьше – зубы сотрутся. Я хоть и здоровьем обделён, но навык не потерял. Волк это! Да такой, что отрадясь не видывал.

Колхозники долго судачили, но поверить бывшему охотнику никто не решился, так как в окрестностях из-за бурной деятельности леспромхоза не то что волка, зайцев и тех давно не видели.

По району поползли слухи – один жутчей другого. И хоть

председательская жена потом обнаружилась в объятиях заезжего кавказца, страсти разгорелись нешуточные и этим конфузом не закруглились.

Последней каплей терпения стала пропажа всего куриного выводка у Заслуженной Пенсионерки Республики, в прошлом доярки-ударницы, Марии Поликарповны Ананьевой. Обездоленная пенсионерка, выйдя по утру на своё подворье, обнаружила следы чудовищной расправы над своими пеструшками в виде пятен крови на снегу и сиротливо витающих по ветру пёрышек.

Колхозники немедля собрались на сход. Слово, понятное дело, начал держать председатель. Говорил он долго и убедительно, призывая односельчан “разом покончить с обрушившейся на их трудовые головы бедой”. Благо, что лес близко, а у каждого в хозяйстве топоры да вилы ещё не перевелись.

Но односельчане на призыв не откликнулись, явно ожидая поддержки из района. Правда, каждый понимал, что в столь трудное для страны время “району не до них”. Это и подтвердил Валька Федотов, недавно вернувшийся из мест заключения.

– Аха, ждится, ждится. Щас районные пузыри ОМОН пришлют или всё охотничье хозяйство в придачу. Больно им много дел, как из-за ваших курей по морозу в лес таскаться.

Ефим Трофимович, не любивший Вальку, потому что он был Федотов, а значит, как все Федотовы, гулёна и лентяй, сейчас с ним согласился.

– Эка придумали. Да хто ж на волка с вилами ходит?! Ево, серого, как увидите меж деревьев, так и удерёте – душа в пятках. Ну кто из вас, бабоньки, кишкой не тонковат?

Над сходом повисла гнетущая тишина, которую прервала председательская свояченица Любка Старовойтина.

– А чё ты нас волком пужашь, а, Ефим Трофимыч? Ты сам лесник в прошлом, вот и организуй наших мужичков. Нешто нам, бабам, ещё и по сугробам прикажешь таскаться? Вон возьми тово же Вальку Федотова, ему всё одно на свободе недолго ходить, опять кого-нибудь задерёт по пьяне. Пушай хоть како полезно дело сделает.

Валька, с напускным достоинством лузгавший семечки, демократично промолчал. А Ефим Трофимович, вспомнив следы от громадных волчьих лап, вяло отрядил:

– Тут неча с кондачка решать. С моею пукалкой такого зверя не завалишь. Ежели волк на людей вышел, знать, лихо в лесу с живностью и он ныне лют до всякой добычи.

Председатель сделал несколько попыток урезонить колхозников и призвал “решать проблему всем миром”, но его агитация должного эффекта не произвела. Народ было потянулся до дому- до хаты, как раздался голос смурного мужика Василия Никитина, совсем недавно объявившегося в здешних краях.

– Я пойду на волка, и помощников мне не надо.

Деревенские чужаков не жаловали, тем более таких, как Василий – нелюдимого и скупого на общение. Но сейчас его

поступок возражений не вызвал. Председатель даже посулил выдать ему свой карабин, от которого тот отказался.

– Ненада! Своими силами обойдусь.

Судачить ни у кого охоты не было. Поэтому сход сразу прекратился, быстро освободив темнеющую в сумерках улицу для беспечного озорства зимней позёмки.

Ефим Трофимович не угомонился. Взыграла в нём какая-то застарелая уязвлённость, что исподволь не давала покоя для утверждения чувства собственного достоинства. Всё у него в жизни выходило недоделанным. Вроде седьмой десяток пошёл, а вспомнить-то и нечего. Ни детей, ни внуков, ни иных подвигов бывший лесник на своём счету не имел. Войну и ту всю в тылу просидел на торфоразработках сменным мастером.

“ТЬфу”.

Ефим Трофимович несколько дней следил за приготовлениями Никитина, и, когда тот вышел ранним утром на дорогу к лесу, попытался сговориться о совместных действиях.

– Человек Вы в здешних краях новый, а я энти леса как свои пять пальцев знаю. Все вдоль и поперёк исходил-изъездил.

Но Василий наотрез от помощи отказался.

– Лес – он везде лес, сам управлюсь.

Ефим Трофимович раздосадовался, но навязываться не стал.

Пару раз он видел, как Никитин возвращался под вечер в деревню, хотел подойти, поговорить, но угрюмый вид чужака его всякий раз останавливал.

Наконец, воспользовавшись возросшим любопытством односельчан, Ефим Трофимович решил вновь подкатить на кривой. Выслушав путанные речитативы старика, облачённого “интересом народа”, Василий с неохотой проговорил:

– Следы в лесу лосиные. За сохатым волк приходил. Теперь лоси вглубь подались, и хозяин за ними.

Ефим Трофимович даже обмяк от неожиданности.

– К-к-какие лоси!? Да тут во всей округе лосей отродясь не было. Нешто так может быть?

Но Василий, не впустивший гостя даже на двор, уже затворил перед его носом ворота.

Возмущённый столь непочтительным обращением, Ефим Трофимович до глубокой ночи вышагивал по своей маленькой светёлке, а когда успокоился, вдруг озарился смутной догадкой.

– Тут чё-то не чисто...

С этой поры он не выпускал деревенского приبلуду из виду, контролируя буквально каждый его шаг.

Валька Федотов сидел возле телевизора и лениво слушал базлание ведущего популярного шоу про всякие проблемные семьи. Его мать, “Федотиха”, с соседкой Нюркой втихую квасили водовку на кухне и о чём-то вполголоса судачили. Валька их происки давно раскусил, но, впав в вялую хандру,

продолжал бессмысленно пялится на черно-белый экран.

Дверь в сенках тихо скрипнула, и на пороге возник Ефим Трофимович.

– Доброго вечера, сударушки. Хлеб да соль!..

Гость попытался деланной весёлостью утаить свою озабоченность, чтобы избежать излишних расспросов. Захмелевшая Нюрка игриво подбоченилась и, забыв о сидящем в горнице Вальке, в тон Ефимовичу заголосила:

– А-а, вот и хахаль на огонёк! Слышь, Матвевна, а ты говорила, што на наши целки не найдётся нынче чьей-нибудь хотелки. А вот те женишок! Ой, да ты не смотри, Матвевна, что с Трофимыча песок сыпится, при хорошей-то бабе и пенёк сучками топырится.

Бабёнки зашлись в хохоте, но Ефим Трофимович в перепалку не вступил.

– Эта... Кланя, Валька твой дома?

Федотиха, заведённая подругой, попыталась выбраться из-за стола, однако, покачнувшись, бухнулась на место.

– А тебе на што мой Валька-то? Ра-а-бочий день кончился. Вишь отдыхаем... веселимся.

Из горницы показался Валька и снисходительно оглядел гостя.

– Чё те?

Ефим Трофимович сглотнул сухой комок в горле и проговорил с нервной хрипотцой:

– Пойдём-ка, паря, потолкуем. Не будем понапрасну ме-

шать труженицам села... вечерять.

Уже не прощаясь, Ефим Трофимович покинул ненавистный ему дом. Валька Федотов с неохотой накинул полушубок, вышел следом.

– Ну, чё те? Никак на разборки позвал?

Ефим Трофимович подавил в себе свербевшее внутри раздражение.

– Ты, коли имеешь како-нибудь оружие, бери, и айда со мной, по дороге скажу.

Валька хмыкнул.

– Эвон чо! Я тебе што – шестёрка? Канай отсель, старичок, а то огорчу чем-нибудь тяжёлым.

Трофимович вздохнул.

– Не гунди, пацан, слышь, как собаки заходятся?

Валька было рыпнулся, но собачий вой донимал его уже второй день. С самой зоны их хвостатое племя он ненавидел всем своим гнилым нутром. Первое, что сделал, когда вернулся с зоны – удавил дворовую шавку матери.

– Ну, базарь, дедок. Если толково изложишь, уйдёшь отсюда целым.

– Чужак-то наш, Валя, не простой оказался... Гость у него оч-чень странный. Надо их обоих, голубчиков, успеть прищучить.

– Чё ты на него катишь? Никак срубить хочешь, что тот тя на толковище подсидел?

– Ты, Валя, свои эковские замашки засунь куда подаль-

ше. Я таких героев за жизнь вдоволь насмотрелся. Если кишка тонка, так и скажи. Время дорого.

Валька снова рыпнулся, но очередная волна совершенно дикого собачьего воя заставила его остановиться.

– Ладно, дедок, пойдём, пощупаем твоего ффраерка.

У столбушки ворот Ефим Трофимович подобрал своё старое охотничье ружьё и под ироничным взглядом Вальки спрятал его за полу.

– О, дедок, да ты без балды на разборки собрался. Ща-ас, верняк, всех замочим... при таких-то двух стволах.

Возле приземистой избёнки Никитина они остановились. Тускло светящиеся оконца были наглухо задёрнуты занавесками. Изнутри никаких звуков не доносилось.

Ефим Трофимович сдвинул ушанку набок и прислушался. Валька Федотов, несколько растерявший свой гонор по дороге, осторожно спросил:

– Ну, чего там?

– Чево, чево? Сам посмотри.

Старик вынул ружьё и двинул к воротам.

– Подожди-ка, дед, тут вот щелка есть. Дай я сперва посмотрю, партизанить потом будешь.

Пока Валька вглядывался сквозь найденную щелку в занавеске, Ефим Трофимович попробовал открыть калитку, но та была чем-то подпёрта со стороны двора. Краем глаза он заметил, как Федотов резко отпрянул от оконца и на корячках начал отползать от избы.

– Ты чо, Валёк, а?

Но тот сноровисто развернулся, и, уже не оглядываясь, кинулся прочь. Ефим Трофимович бросился следом. Федотова он нагнал уже возле его дома. Парень находился в невменяемом состоянии: глаза бегали, рот кривило от неконтролируемых судорог.

– Стый, слышь, оглоед, стый! Да куда ты, заполошный? Нешто в таком состоянии на глаза людям покажешься?

Но Валька ничего не соображал. Ефим Трофимович ухватил его за шиворот и силком потащил за собой.

– Во-от, а ты боялся.

После нескольких глотков самогона Вальке немного полегчало, и, хотя зубы выстукивали о края стакана неровные ритмы, в глазах появилась осмысленность.

– Ш-ш-то это было?!!

– А чё разглядел-то?

Вальку передёрнуло.

– Да морду... волчью, бля!

Ефим Трофимович усмехнулся.

– И-и, паря, а ты с кондачка хотел разобраться. Толковал же тебе: дело тут тёмное.

Валька отдышался и замотал головой, словно она у него отвязалась.

– Дак, Троф-фим-мыч, а чё ж волк-то... у эт-того хмыря... в избе...

Ефим Трофимович пожал плечами.

– Того не ведаю, Валёк. Я, как собаки-то завыли, выбежал на улицу и сразу к Никитинскому дому двинул... Там их и застал.

Федотов недоумённо уставился на старика.

– Кого “их”?

– Да Никитина с энтим самым волком. Здоровенный, знашь, такой. Будто телок.

Вальку вновь передёрнуло.

– Да-а, морда на меня выскочила... Думал, показалось.

Ефим Трофимович отобрал у потянувшегося к бутылке сотоварища стакан.

– Ты погоди, надоть дело до конца довести.

– Какое дело, какое дело?! Ты што, хочешь со своею пу-калкой этава волка завалить? Не смехи. Тут пару карабинов надо, не меньше. А так нечего и соваться.

– А я думал, у тебя что...

– Думал, думал... Индюк тоже думал. В селе один карабин был, да и тот председатель этому Никитину хотел отоварить...

Валька от мелькнувшей у него неожиданной мысли даже забыл обидеться на Ефимыча за отнятый самогон.

– Слушай, дед, а как же этот фраер с волком-то закорешился?

Ефим Трофимович поднял указательный палец кверху и многозначительно проговорил:

– Во-от, Валя, тут-та весь фикус и зарыт. Не иначе энто

волколак.

– Кто-о-о?

– Волколак... оборотень!

“Чего ты взбеленился?”

Волк неотрывно смотрел в окошко.

“Там люди”.

“Да какие в такую пору люди? Может, пьяный прошёл”.

Волк втянул в себя воздух и отошёл к печке.

“Не пьяные”.

Василий Никитин приводил в порядок карабин и с безмятежным спокойствием совершенно уверенного в себе человека смазывал затвор.

“Пока собаки не уgomонятся, на улице делать нечего”.

Волк зевнул.

“Они не успокоятся”.

“Ничего, Коля, устанут пасть рвать, успокоятся. Шавки – они и есть шавки”.

Ближе к полночи волк снова потянул носом.

“Тебе лучше спать лечь”.

Василий в ответ зыркнул в его сторону с нескрываемым пренебрежением.

“А ты мне не указывай. Если б тебя, шалопая, здесь не разыскал, то через неделю-другую какой-нибудь хмырь подстрелил бы или подранил...”

“Не мог я больше среди людей”.

“А сам-то ты кто? А, Коленька? Никак себя уже в волки

записал? Ты, братец, ежели около людей не ужился, то и в лесу чужим будешь”.

Волк тяжело вздохнул всем своим огромным телом и смежил веки.

“Эхх, Вася, в волчьей шкуре совсем по другому жизнь ощущаешь... Свобода, что ли? Но полная! Без всяких придумок. Словно у меня две жизни или крылья. В школе про эволюцию рассказывали, что человек – венец природы. А по мне ничего лучше нет, чем волком быть. И обратно перекидываться совсем не хочется”.

Василий досадливо качнул головой.

“Да-а... Дура ты! Что есть, полная дура. Батя же говорил, что не надо без нужды оборачиваться. Волком проще быть, оттого наша пугливая натура просит евоной свободы. Человек и есть “венец”, только горки, на которые он взбирается, такие крутые, что взобраться на них не каждому даётся. И все, кто, подобно тебе, со своей дороги сворачивает, становятся бездушными... демонами. Ты вот сколько времени в шкуру влезаешь?”

“Сейчас дня три, а раньше неделю уходило, после приходилось где-нибудь отлёживаться”.

“Во-от, Коленька, дальше ещё быстрее будет, только в человека возвращаться станет всё трудней и трудней... Пока вовсе не расхочется. То, что Надя от тебя ушла, ещё не повод мир охаивать. С таким характером много горького нужно испытать, чтобы людьми не хворать... А Надя, как узнала,

что ты пропал, так от меня не выходила. Всё у телефона сидела, ждала, что из милиции позвонят”.

Волк поднял голову и оглядел человека со снедающим вниманием.

“Да ей то что? Всё равно бы маялась”.

Долгое время братья молчали каждый о своём. Собачий вой на самом деле стал постепенно затихать. Уже под утро Василий поднялся и полез на полати.

“Утром же пойду звонить в район, договорюсь с машиной. А ты покамест начинай очеловечиваться... Я сказал”.

Волк безмолвствовал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.